
18+
ПОКА ТЫ МЕНЯ ПОМНИШЬ
ЯР КРАЙНОВ

Яр Крайнов

Пока ты меня помнишь

«Издательские решения»

Крайнов Я.

Пока ты меня помнишь / Я. Крайнов — «Издательские решения»,

Нина приезжает на два дня помочь матери закрыть свадебный павильон. Но старый телефон звонит с оборванным проводом: невеста из 1993 года всё ещё ждёт жениха. Вместе с поваром Артёмом Нина ищет правду о той ночи — и узнаёт в ней историю собственной семьи. Пока между ними растёт притяжение, чужая давняя ложь становится испытанием их честности друг с другом.

© Крайнов Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Звонок из стены 6
Глава 2. Тот, кто остался снаружи 9
Глава 3. Семьдесят два 12
Глава 4. Без лишнего человека 17
Глава 5. Второе имя 20
Глава 6. Что будет на тарелке 23
Глава 7. Праздник по порядку 28
Глава 8. Утро после 34
Глава 9. Пока меня нет 37
Глава 10. Чужие полки 40
Глава 11. Тридцать восемь человек 43
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Пока ты меня помнишь

Яр Крайнов

© Яр Крайнов, 2026

ISBN 978-5-0071-5113-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Звонок из стены

Телефон зазвонил в тот момент, когда Нина подняла с пола оборванный провод.

Она держала его в руке — короткий серый хвост с тремя медными жилками. На другом конце стены висел старый аппарат цвета слоновой кости. Круглый диск, витой шнур, трещина под цифрой семь. Звон был громким, раздражённым, совершенно настоящим.

Нина посмотрела на провод, потом на телефон. Вдохнула, не понимая, почему вдруг не хватает воздуха.

Мать просила взять в кладовой скатерть. Нина приехала на два дня, собиралась помочь с описью, искупаться в реке и уехать в воскресенье. Телефон не входил ни в одну из этих задач.

Он позвонил ещё раз.

— Мам?

В зале за стеной работала вытяжка. Во дворе мужчина объяснял что-то водителю. Никто не ответил.

Нина положила провод на пол и подняла трубку.

Сначала услышала музыку. Далёкую, чуть дребезжащую, словно из плохой колонки. Звякнул бокал. Женщина засмеялась так близко, что Нина невольно отодвинула трубку от уха.

— Он уже у вас? — спросила женщина.

— Кто?

В трубке стало тихо. Нина услышала чужое дыхание.

— Даня. В сером костюме. Он только на минуту вышел.

— Вы ошиблись номером.

— Нет. — Женщина сказала быстро, испуганно. — Не кладите. Пожалуйста. Здесь все ушли, а я не знаю, где…

Что-то упало. Звук был такой, будто на каменный пол высыпали пригоршню бусин.

— Выйдите к людям, — сказала Нина. — Где вы находитесь?

Женщина ответила не сразу.

— За красной дверью.

Нина повернулась.

В конце кладовой, за стеллажом, была узкая дверь с тёмным стеклом. Круглый верхний угол, отставшая краска. Её почти закрывали коробки; на нижней поперёк слова «Гирлянды» отец когда-то нарисовал смешную рожицу. Нина знала этот рисунок.

— У вас рядом кто-нибудь есть? — спросила женщина.

Нина молчала.

— Только не оставайтесь одна, — произнесли в трубке.

Связь оборвалась. Одновременно за дверью послышался лёгкий стук, словно кто-то ногтем тронул стекло.

Нина положила трубку. Не попала с первого раза на рычаг, аппарат коротко звякнул. Она взяла коробку, которая мешала пройти, потянула на себя. Сверху посыпались бумажные цветы.

— Вам помочь?

Она резко обернулась. Мужчина стоял в проходе, заслоняя свет. Высокий, в серой футболке; над правым виском светлела прядь. Он посмотрел на рассыпанные цветы, потом на Нинино лицо, и улыбка исчезла раньше, чем появилась.

— Что случилось?

Нина показала на телефон.

— Он работает?

Мужчина подошёл. Вблизи оказались серые глаза, тёмная щетина, маленький ожог на запястье. Нина заметила всё это с нелепой отчётливостью: мозг цеплялся за обычное, лишь бы не смотреть на дверь.

Он присел, поднял провод. Перевернул конец между пальцами.

— Не должен. Отрезан.

— Он звонил.

Мужчина выпрямился. Не сказал «показалось», и от этого стало чуть легче.

— Сейчас?

Она кивнула. Хотела пересказать разговор, но услышала, каким чужим и тонким стал собственный голос, и замолчала.

Он снял трубку. Подождал, нажал на рычаг.

— Тихо.

Нина стиснула пальцы.

— Там женщина была.

Он посмотрел на неё уже внимательнее. Она узнала этот взгляд: так оценивали человека, который задерживает поставку бессмысленным вопросом. Внутри вскинулась обида, горячая, спасительно обычная.

— Я не предлагаю вам верить. Просто…

Трубка в его руке заиграла.

Они оба замерли.

Теперь музыка была слышна без телефона у уха. Несколько хриплых нот, мужской смех — и голос:

— Вы его не видели?

Мужчина побледнел. Нина увидела, как пальцы сильнее сжали пластик. Он медленно поднял трубку к уху.

— Кого?

Ответа не было. Он нажал на рычаг, вернул трубку. В кладовой стало слышно, как шуршит под потолком муха.

— Артём Ланской, — сказал он наконец. — Я здесь кухню держу.

Нина не сразу поняла, зачем он представляется. Потом вспомнила, что они даже не знакомы.

— Нина. Веры Павловны дочь.

Он кивнул. Ещё раз посмотрел на отрезанный провод.

— Маму позови… Позовите.

Оговорка почему-то смутила сильнее всего. Нина вышла в зал, толкнув плечом дверь. В свете больших окон происходившее в кладовой показалось нелепым. Там не могло быть никакой женщины. Здесь столы, образцы ткани, ваза с мутной водой. За стеклом мать показывала покупателю гортензии. На краю ступеньки стоял пакет с персиками — Нина принесла его и забыла.

Она открыла дверь в сад.

— Мам. Подойди, пожалуйста.

Вера подняла руку: минуту. Мужчина рядом с ней продолжал смотреть на окна. Светлая рубашка, короткая стрижка, дорогая простота человека, которому не нужно нравиться, чтобы его слушали.

— Мам, сейчас.

По её голосу мать поняла. Быстро простилась с покупателем, почти побежала к двери. Увидев Нину, взяла за локоть.

— Что? Ты белая вся.

— Телефон в кладовой. Он подключён?

Рука матери стала тяжёлой.

Нина почувствовала это раньше, чем увидела перемену лица.

— Какой телефон?

— С диском. Возле двери.

Мать разжала пальцы.

— Он старый. Отец оставил. Там давно ничего…

— Он звонил.

Вера смотрела на неё, не моргая. За Нининой спиной скрипнула половица: из кладовой вышел Артём. В руках держал потемневшую фотографию.

— Из-за рамы выпала, — сказал он.

На снимке стояла свадебная пара. У невесты были тёмные волосы, крупные серьги и нелепо пышные рукава. Жених улыбался, чуть склонив голову. Серый костюм сидел широко в плечах, у правого виска лежала светлая полоска.

Нина подняла глаза на Артёма.

Он смотрел на фотографию так, будто его ударили.

— Это не я, — сказал он, хотя она ничего не спросила.

Внизу ручкой было выведено: «22 июля 1993».

На заднем плане, у знакомой двери с красным стеклом, стоял отец Нины. Молодой, почти мальчишка в светлой рубашке. На шее висел фотоаппарат. Правую руку он держал за спиной, как всегда, когда не знал, куда её деть.

Нина провела пальцем по снимку. Вспомнила тяжесть отцовской ладони, запах мокрой куртки, последний разговор по телефону. Семь лет она иногда просыпалась с уверенностью, что он просто уехал и скоро вернётся. Сейчас от этой надежды стало страшно.

— Мам, кто это?

Мать забрала фотографию слишком быстро.

— Люди. Старое всё. Давайте не сейчас, у меня голова…

— Я слышал её, — сказал Артём.

Он смотрел не на Веру, а на женщину в белом платье. Нина заметила, как он назвал её — «её», будто речь шла о ком-то, кого следовало знать.

Вера прижала снимок к груди.

— Не ходите за эту дверь.

— Почему?

Мать отвернулась. В саду проехала тележка, из кухни позвали Артёма. Он не ответил.

— Там стена, — сказала Вера. — Папа её сам заложил. Ещё когда ремонт делали.

Нина посмотрела через открытый проход в темноту кладовой. За стеллажом что-то мерцало — может, отблеск окна на красном стекле. Ей вдруг показалось, что с той стороны прижали ладонь.

Вера схватила её за руку.

— Нина. Ты меня слышишь?

Она слышала. Слышала и мать, и ту женщину, которая просила не класть трубку. И впервые за долгое время не понимала, кому из них страшнее оставить её одну.

Глава 2. Тот, кто остался снаружи

Артём нашёл у телефона два оборванных конца. Кабель уходил под плинтус, обрывался там же. Никакой розетки, никакого спрятанного аппарата. Он провёл пальцем по проводу, стёр пыль о брюки и почувствовал себя идиотом.

Вместо того чтобы злиться на идиотскую шутку, он боялся снова услышать голос.

Нина сидела на пустом ящике. Держала руки между коленями, сильно сжав пальцы. На щеке возле уха блестела прядь. Артём уже успел заметить, что в спокойном состоянии она смотрит прямо и быстро уточняет; сейчас взгляд всё время возвращался к двери. Ему хотелось вывести её в сад. Самому тоже туда выйти, под солнце, к работающим людям. Но она наверняка примет это за попытку отделаться, а он не хотел, чтобы она ушла одна.

— Ты… вы не слышали имени? — спросил он.

— Даня.

У него противно похолодел живот.

— Больше ничего?

Нина подняла глаза.

— А надо было что-то ещё услышать?

Он отвернулся к стене. Вынул из кармана телефон, включил запись и положил возле старого аппарата.

Трубка молчала.

Красное стекло закрывало не комнату, а узкую тёмную нишу. Артём отодвинул коробки, потрогал раму. Дерево рассохлось, нижняя петля сидела криво. За дверью действительно оказалась кирпичная кладка. Он посветил фонариком: серые швы, неровный край раствора, паутина.

— Ну вот, — сказал и услышал, с какой надеждой прозвучало.

Нина подошла. Он посторонился, пропуская её к проёму.

За стеной скользнула тень.

Артём увидел её одновременно с Ниной. По кирпичам прошёл свет — тёплый, дрожащий, словно кто-то повернул лампу. На долю секунды вместо кладки открылся стол. На нём лежала белая перчатка.

Нина шагнула вперёд.

Он успел взять её за локоть. Не рывком, но крепко. Пальцы сжали тёплую кожу сквозь тонкую ткань.

— Подожди.

Она оглянулась, и Артём почувствовал, как сильно дрожит её рука. Свет погас. Перед ними опять была стена.

Он всё ещё держал её.

— Это было? — спросила Нина.

— Было.

— Ты видел?

Они оба заметили, что перестали говорить «вы». Артём почему-то смутился. Выпустил локоть, но оставил руку рядом, боясь, что она опять шагнёт.

На записи слышались их дыхание, шорох коробки и далёкий стук посуды. Больше ничего. Артём переслушал, Нина наклонилась к экрану. От её волос пахло нагретой дорогой и чем-то горьковато-сладким. Он поймал себя на том, что замечает это сейчас, и рассердился: человек испуган, а он всё туда же.

— Скажешь, что я придумала? — спросила она.

Он выключил запись.

— Мы оба тогда придумали. Очень дружно для первого знакомства.

Нина коротко выдохнула, почти засмеялась. Губы ещё дрожали.

Веру нашли в кабинете. Она сидела со снимком в руках. Надела очки, хотя держала фотографию оборотной стороной вверх.

— Папа знал этих людей? — спросила Нина.

— В Бережках все друг друга знали.

— Мам.

— Я не хочу об этом. Давай вечером.

— Вечером у тебя свадьбы. Или покупатель. Или давление. Я слышала женщину. Артём тоже.

Вера сняла очки. На переносице остались красные следы.

— Её звали Ася. Она погибла. Давно.

Артём смотрел на фотографию в её руках. Слышал собственный пульс — громче голоса Веры.

— Жених её бросил, — сказала та. — Уехал с праздника. Она пошла за ним. Там ночью у реки… Не хочу рассказывать. Мы тогда все молодые были, глупые.

Нина опустилась на стул.

— А папа?

— Остался закрывать павильон. Последний гость, вот так его и дразнили. Всё на себя возьмёт, всех развезёт.

Вера попыталась улыбнуться. Не получилось.

— Ты там была?

— Раньше. Потом к тебе поехала. Ты маленькая, температурила. Я реку не видела, если ты про это.

На фотографии молодой Самарин стоял у двери с фотоаппаратом. Артём вспомнил другого мужчину — на старом семейном снимке, который мать прятала под чистой бумагой. Похожего на него. Данила. Дядя, который ушёл со своей свадьбы, а потом погиб на реке. «Потом» в детской памяти означало совсем другую жизнь, словно он успел куда-то уехать и пропасть. Артём никогда не спрашивал о датах. Взрослые говорили о Даниле неохотно, и он давно научился не продолжать.

Надо было сказать сейчас.

Нина смотрела на отца с такой болью, что Артём промолчал. Хотелось сначала проверить. Сначала самому понять. Не добавлять ей ещё одну невозможную вещь.

— Дайте снимок, — попросил он Веру. — Переснять хотя бы.

Та не сразу протянула.

Из кухни позвала Зоя. Смена продолжалась. Артём помог ей убрать тяжёлую ёмкость, принял короткое сообщение от Ильи: в выходной едет к отцу, как договаривались. Ответил «езжай», даже не попробовав выпросить четыре часа. Сегодня казалось диким задерживать человека в этом здании ради посуды.

Лиде позвонил из сада.

Сестра выслушала рассказ про продажу, потом молчала, пока он говорил про аппарат, стену и фотографию.

— Спал сколько? — спросила она наконец.

— Достаточно.

— Ты сейчас один там?

— Нет. Дочь Веры приехала. Она первая услышала.

— Вот с ней и держись. Вдвоём электрика вызовите. И мне фото пришли.

Он переслал.

Через минуту Лида перезвонила.

— Тём. Это Данила?

Он закрыл глаза.

— Я думаю, да.

— Ты ей сказал?

— Пока нет.

Сестра выдохнула так, что он ещё до слов приготовился защищаться.

— А ты скажи. Она же всё равно спросит, почему ты похож. Не заставляй потом ещё и про тебя гадать.

Артём смотрел на открытое окно кладовой. Нина стояла за стеклом, поднимала с пола бумажные цветы. Поставила один на ладонь, разглядывала, потом положила на стеллаж.

— Скажу, — ответил он.

Вечером они вдвоём заперли кладовую. Нина хотела оставить свет, потом сама покачала головой: смешно, будто там ребёнок боится темноты. Ключ Вера дала ей без спора.

В саду Нина остановилась.

— Я в воскресенье должна уехать.

Артём кивнул.

— Ты уедешь?

Он не спросил «куда». Она поняла.

— Не знаю. Пока не понимаю, что здесь происходит.

— Тогда завтра посмотрим вдвоём.

Нина подняла на него глаза. От усталости они казались почти чёрными, и Артём ощутил такое сильное желание коснуться её щеки, что пришлось сцепить руки за спиной.

— Ты не думаешь, что надо просто уйти? — спросила она.

Думал. Очень хотел домой, в обычную кухню, где сломанный ящик был только сломанным ящиком.

— Думаю, — сказал он. — Но ты ведь не уйдёшь.

Она посмотрела на ключ в ладони.

— Нет.

У него одновременно стало легче и страшнее.

Глава 3. Семьдесят два

В одиннадцать сорок семь Митя вошёл в зал с кофе и выражением лица человека, который уже всех простил за своё опоздание.

— Не смотри так. Я до них приехал.

Нина отложила список. Брат был выше её, светлее, с теми же карими глазами, только у него они почему-то всегда обещали хорошее. Новая рубашка натёрла шею; красная полоска выглядывала из воротника. В школе Нина вырезала ему бирки маникюрными ножницами, а потом выслушивала от матери, что испортила дорогую вещь.

— Ты мог мне всё вчера прислать.

— Я и хотел. Только у тебя голос был такой — лучше утром, думаю.

— Мой голос помешал переслать сообщения?

— Нин, давай сначала обниму.

Он обнял, не дожидаясь ответа. Знакомый лосьон, горячий от солнца воротник, небрежная ласка. На секунду захотелось прижаться и пожаловаться ему на всё, включая его самого. Нина упёрлась ладонью в братскую грудь, отодвинула.

— Сообщения, Мить.

— Уже. Видишь, отправляю. Они нормальные люди, кстати. Не надо их допрашивать.

На улице хрустнул гравий. Митя сразу оживился, допил кофе с таким лицом, словно спасался от удара, и пошёл встречать гостей.

Даша первой заглянула в дверь. Невысокая, с густой прямой чёлкой и большими тёмными глазами; лямки полотняного рюкзака впивались в плечи. Она придерживала одну ладонью. Роман за ней нёс коробку и смотрел через неё так осторожно, будто внутри спал ребёнок. Последней вошла Дашина мать — светлый льняной костюм, короткая стрижка, тонкая золотая цепочка на шее. Она поздоровалась сразу со всем залом.

За Галиной Викторовной шла пожилая женщина с тростью. Даша объяснила: бабушка сама захотела заранее посмотреть дорожку, чтобы не заставлять потом всех суетиться. Тамара Петровна выслушала представление и спросила, где здесь раньше был гардероб.

— До ремонта? — уточнила Нина.

— До вашего ремонта здесь ещё одно здание было. То же самое, но другое.

Мать Даши торопливо заговорила про пледы. Нина спросила Тамару Петровну, можно ли потом показать ей старую фотографию павильона. Та кивнула и села у окна: сначала у молодых свои дела. Нина убрала телефон. Ей хотелось получить ответ немедленно; женщина перед ней имела право сначала выслушать внучку.

— Только не под окно, пожалуйста. От реки дует.

— Пледы приготовим, — отозвался Митя.

— Двенадцать есть, — уточнила Вера, появляясь из кабинета.

Даша сняла рюкзак с облегчением.

— Ещё четыре мои. Бабушке и кому понадобится.

Роман поставил коробку на стол.

— Тут таблички. Не трогайте пока сверху, не досохло.

— Сам сделал? — Митя наклонился посмотреть.

— Ну да. Нам за две досочки столько назвали… Я сначала не понял, что это цена, думал, номер заказа.

Даша улыбнулась ему. Нина заметила, как мгновенно расслабилось её лицо, и тоже улыбнулась. Потом Галина Викторовна отодвинула коробку, освобождая место своему телефону, и Даша снова спрятала руки под стол.

Начали со времени. В час регистрация. После фотографии, к половине четвёртого во «Двор».

— Гостям я сказала к трём, — перебила мать.

— Мам, мы в три на набережной будем.

— Вот они пока посидят. Чтобы все постепенно, без толпы.

Даша посмотрела на Романа. Тот провёл пальцем по выступившему из коробки дереву, на коже осталась белая полоска. Нина поняла, что сейчас будет: кто-нибудь скажет «раз уж сказали», и ещё полчаса чужой жизни отдадут без боя.

— Вы сами раньше половины четвёртого хотите приехать? — спросила она Дашу.

— Нет. Я хочу фотографии. Мы за них заплатили уже.

В последних словах вдруг прозвучала злость. Даша испугалась её, быстро добавила:

— Просто мы всё рассчитали.

— Значит, в половине. Гостей встретим отдельно.

Митя потянулся к кувшину. Галина Викторовна посмотрела на Нину так, будто та только что разрешила дочери пропустить экзамен.

— А церемония в саду? Там до дерева далеко? Мама с палкой.

— Вашей маме восемьдесят? — спросила Вера.

— Семьдесят шесть, — ответила Даша прежде неё. — Она не лежачая. Просто медленно идёт.

Голос стал колючим. Нина узнала это желание защитить любимого человека даже от вежливого сочувствия.

— Пойдёмте посмотрим, — предложила она. — Здесь на плане всё ровное, а ногами не совсем.

Во дворе Артём возился с тарелками. Поднял голову, поздоровался. На нём была поварская куртка с закатанными рукавами; Нина неожиданно заметила длинные пальцы, которыми он придерживал скользкую стопку. Вчера лицо, сегодня руки. Прекрасно. Ещё неделю — и соберёт человека целиком.

— Про грибы получили? — спросила Даша. — У Роминого брата.

— Получил. Ему другое горячее. Потом проверим остальное. Вы пока гуляйте, через десять минут накормлю.

Он сказал «накормлю» с такой будничной уверенностью, что Даша наконец опустила рюкзак с плеча на локоть.

У дальней яблони дорожка вспучилась. Даша прошла несколько шагов, посмотрела на бабушкину трость и остановилась.

— Давайте у террасы, — сказала она.

Галина Викторовна уже показывала на телефоне белую арку среди деревьев.

— Но мы обсуждали сад. Ты сама эти фотографии прислала.

— А бабушка на наших где будет?

Мать замолчала. Роман опустил коробку с табличкой, попробовал поставить её возле ступеней. Здесь было ровно; стулья помещались, сарай за спинами закрыли бы сами гости.

— Мне тут нравится, — сказал он.

Даша посмотрела на него. Чёлка зацепилась за браслет, пока убирала волосы; она рассердилась, чуть не порвала застёжку. Роман молча взял её рюкзак. Нина отвернулась. Не хотелось, чтобы Даша сейчас ещё и объясняла всем, почему чуть не плачет из-за сорока метров дорожки.

Митя догнал их с телефоном.

— По встрече вообще просто. Напитки здесь, один официант с трёх, и потом все к церемонии.

— Какой один? — спросил Артём с порога.

Брат улыбнулся ему.

— Ну твои. Кто свободен.

— Никто.

Улыбка повисла. Галина Викторовна моментально нашла нужное сообщение.

— А вот мне написали. «Встретят с бокалом, не переживайте».

Нина посмотрела на экран. Потом на Митю. Тот едва заметно повёл плечом: ну зачем сейчас? Она ощутила горячую злость, почти такую же детскую, как у Даши минуту назад. Почему всякий раз теперь? Почему не вчера, когда можно было спокойно выяснить?

Артём стоял с полотенцем в руке. На лице не было ни тени желания спасать брата от неловкости.

— Вам обещали, — сказала Нина Галине Викторовне. — Я вижу. Сегодня разберёмся, как это сделать. Если нужен отдельный человек, это наш разговор, не ваш счёт.

Она услышала собственный голос, ровный и чужой. Митя благодарно посмотрел на неё. От этой благодарности захотелось сказать что-нибудь жестокое.

За столом попробовали горячее. Роман попросил меньше соуса, Даша перенесла торт на половину десятого: несколько родственников уедут раньше. Артём подтвердил время и отдельное блюдо для Роминого брата.

Потом Даша показала файл с семейным фильмом. Тридцать восемь минут, отец сам собирал.

— Он хочет всем показать, — сказала она. — А я хочу танцевать.

Нина посмотрела на девушку.

— Вы ему сказали?

— Я думала, вы программу составите…

Даша осеклась. Нина узнала этот взгляд: если передать неприятный разговор человеку с папкой, вроде бы никого не обидела сама.

— Сначала решите с ним. Я пока время не ставлю.

Даша кивнула слишком быстро. Нина не стала считать это обещанием. Ела стоя, уже не чувствуя вкуса, и всё поглядывала на Тамару у окна.

Даша задержалась у коробки.

— Бабушке не говорите, что из-за неё. Я скажу, нам тут свет больше нравится.

Она посмотрела на Романа, и тот осторожно толкнул её плечом.

— Мне нравится.

Они ушли, задевая друг друга коробкой и рюкзаком. Нина вдруг позавидовала этой нескладной паре: им хватало одного движения, чтобы сказать то, на что у неё всегда уходило слишком много слов.

Тамара Петровна напомнила о фотографии сама. Галина уже звала её от двери, когда Нина нашла снимок и протянула телефон. Женщина взяла его обеими руками.

— Где взяла?

С экрана смотрела невеста в белом платье.

— В кладовой. Я хочу узнать…

— Это моя дочь.

Нина не сразу поняла. Посмотрела на Галину Викторовну, потом опять на фотографию.

— Старшая, — сказала Тамара Петровна. — Ася.

— Очень строгая на фото, — сказала Нина, лишь бы не оставлять эту тишину.

Тамара посмотрела на неё поверх очков.

— Она туфлями натёрла. Весь день говорила: кто придумал белые перчатки в июле? Наверняка мужчина.

Даша вдруг коротко засмеялась и тут же прикрыла рот. Тамара погладила экран.

— К морю собиралась осенью. Уже чемодан у сестры взяла. Всё укладывала, вынимала — думала, в маленький влезет.

У Нины защипало в носу. До этой минуты девушка на снимке только погибала. Теперь у неё был взятый взаймы чемодан, неслучившаяся осень и голос, который мог рассмешить.

Галина подошла так быстро, что стул задел её по колену.

— Зачем вы маме это показываете?

— Галя, не надо за меня.

Голос у пожилой женщины был негромким, но дочь остановилась. Даша вернулась с рюкзаком и смотрела уже без привычной свадебной тревоги. Это было другое, семейное лицо — серьёзное и незнакомое Нине.

— Ей двадцать два было, — сказала Тамара. — Сказали, бросил он её. На собственной свадьбе. Потом она к реке пошла. Я всё думала: надо было не домой ехать, а остаться с ней. Только я ведь не знала, что одна останется.

— А Даша? — тихо спросила Нина. — Вы хотите, чтобы она здесь праздновала?

— Она хочет. Я сначала не хотела идти. — Тамара погладила набалдашник трости. — Потом подумала: опять не останусь? Нет. Я с ней посижу, сколько надо.

Она увеличила лицо жениха. Руки начали дрожать.

Артём стоял у кухонной двери. Тамара Петровна подняла на него глаза и прикрыла рот ладонью. Он хотел подойти, остановился.

— Похож, — выговорила она. — Господи, как же похож.

Нина взяла телефон, чтобы женщина больше не удерживала его на весу. Между ними на секунду возникло невыносимое молчание. Раньше Нина искала в этой фотографии отца. Теперь рядом сидела мать, которая не знала, что дочь всё ещё задаёт один и тот же вопрос.

— Я не знаю, что найду, — сказала Нина. — Но если узнаю — вам скажу. Не через Галину. Вам.

Тамара посмотрела на неё и кивнула. Галина отвернулась, быстро вытирая щёку.

— Можно было не при них, — начал Митя, едва закрылась дверь.

— Можно было вчера, — сказала Нина.

Он замолчал.

Вера села, помассировала переносицу. Нина смотрела на мать и чувствовала, как решимость утекает. Надо было всё-таки сейчас, пока не уехала, пока не помогла ещё десять раз и не согласилась молча.

— Я могу закончить сезон. Девяносто тысяч.

Мать подняла голову. Митя свистнул.

— Ого. Семейная скидка, понимаю.

— Не надо, Мить.

Он открыл рот, но она посмотрела так, что он отвёл глаза.

Нина сжала под столом пальцы. Деньги пришлось произнести ещё раз, уже по частям: три платежа по тридцать. Четыре свадьбы, подготовка закрытия. Новых заявок не берёт. Утром во вторник и четверг работает со своими клиентами.

— А если у меня нечем? — спросила Вера.

Нине мгновенно стало стыдно. В голове возникли отцовские перчатки, материнские ночные поездки, всё, чем можно было доказать, что сейчас она поступает дурно.

— Тогда ищем другой способ, — ответила она, глядя на собственные колени. — Мам, я правда не могу восемь недель бесплатно. Я за квартиру тоже плачу.

Митя переставил стакан с места на место.

— Ладно, я свои договорённости вечером скину. Ты посмотришь?

— Ты сначала посмотри. Пожалуйста.

Последнее слово вырвалось устало, почти жалобно. Нина рассердилась на себя за него. Брат убрал стакан в мойку и отошёл звонить.

Вера долго молчала. Потом согласилась на три платежа по тридцать тысяч: первый в понедельник, остальные после сентябрьской и последней свадьбы. Попросила написать даты, чтобы не возвращаться к этому каждый раз.

Нина кивнула. Хотелось обнять мать и извиниться, но тогда непременно начала бы уступать в чём-нибудь ещё.

— Зелёный им не подошёл, — сказала Вера, собирая образцы. — И хорошо. После стирки серым делается.

Она ушла. Нина осталась посреди зала с девяноста тысячами, которых ещё не получила, и чувством, будто взяла у матери что-то из кармана.

— Можно пройти?

Артём стоял за ней с тарелками. Она торопливо отступила. Он протолкнул тележку, остановился у кухни.

— Ты обед доела?

— Я пробовала.

— Это я видел.

Он вернулся с маленькой тарелкой, поставил перед ней. Картошка, кусок рыбы, ещё тёплые. Нина смотрела на еду, не решаясь поднять глаза: вдруг он слышал разговор и сейчас скажет, что она права. Или что мать надо пожалеть. Ни того, ни другого она не вынесла бы.

— Завтра в десять? Про гостей подумаем, — сказал он. — До одиннадцати могу, потом поставки.

— В десять.

Он развернулся уходить. Нина взяла вилку.

— Артём.

Он остановился.

— Спасибо.

Не за рыбу. Но объяснять не пришлось: он посмотрел на неё чуть дольше обычного и кивнул, уже без деловой поспешности.

Глава 4. Без лишнего человека

Артём приехал раньше десяти и успел пожалеть об этом. Кухня была убрана, ножи высохли, чайник закипел. Он нашёл на столе крошку, смахнул. Посмотрел на часы: прошло две минуты.

Через стекло двери виднелся зал. Свет падал косо, по полу тянулись тени стульев. Зимой здесь всегда пахло влажной шерстью и мандаринами, весной приносили вёдра с первыми ветками. В другой кухне, наверное, тоже будут окна. Он пытался представить — выходили только чужие стены.

Вчера Нина сидела за пустым столом с тарелкой и выглядела так, что захотелось остаться рядом. Он не остался. Вернулся к посуде, с шумом переставлял чистое, ждал, не позовёт ли она ещё. Теперь злился на себя за эти сорок минут раньше срока.

— Я не рано?

Нина вошла со стороны зала. Свободная белая рубашка, джинсы; волосы стянуты кое-как, из резинки выбилась целая прядь. В одной руке рулетка, в другой надкушенное яблоко.

— Вовремя, — сказал он, почему-то проверив часы.

Она заметила, но промолчала. Положила рулетку, посмотрела на яблоко.

— Я его с восьми утра ем. При встрече с мамой прячу за спину, она сразу полноценный завтрак предлагает.

— Чай?

— Вот. И здесь тоже.

Он смутился, а она улыбнулась.

— Чай буду.

Артём полез за кружками. Первую поставил обратно: отколота ручка. Взял две одинаковые, потом зачем-то поменял одну. Нина тем временем искала ведро, прижимая огрызок к салфетке. Спросила, куда выбросить, и он обрадовался простой возможности показать пальцем.

Вчера она говорила о деньгах так, что мужчины постарше Мити, пожалуй, тоже замолчали бы. Сегодня стояла у раковины, коротко дула на мокрые пальцы и пыталась локтем убрать волосы со щеки. Артём видел тонкие светлые волоски на её запястье. Захотел взять её руку — совсем не вовремя, при включённом чайнике и неразобранной свадьбе.

Он первым пошёл в зал.

Они сначала закончили то, что действительно требовалось к свадьбе. Напитки перенесли в зал: тележка в узком проходе к террасе задевала стулья. Свете предложили ранний выход за шесть тысяч; Митя согласился вычесть их из восемнадцати своей комиссии. Даша подтвердила новое место встречи. Артём отправил часы, включая окончание, и выключил рабочий звук.

Потом Нина положила рядом с его телефоном ключ от кладовой.

— Теперь наше.

Он посмотрел на неё. От этого слова стало неожиданно тепло. И страшно: своё общее дело уже было у них, людей, которые едва знали друг друга.

Они отодвинули стеллаж. На полу осталась светлая полоса, за которую много лет не попадали ни пыль, ни вода. Рама была стянута старой проволокой; Нина вспомнила, как отец сердился, когда она в детстве пыталась добраться до коробок с украшениями.

Теперь она перекусила проволоку кусачками. Артём придержал дерево. Ржавый конец оцарапал его палец, и Нина торопливо принесла салфетку. Ничего само не распахнулось. За красным стеклом по-прежнему стояла кирпичная кладка.

Среди бумажных цветов лежала белая перчатка. Настоящая, потемневшая от пыли. На одном пальце разошёлся шов.

Нина подняла её. Перед ними на секунду снова появился стол. Гладкая белая ткань, на которой стояло мокрое блюдце. Рядом женская рука — без перчатки.

— Не садись, — сказал Артём.

Он даже сам не знал, откуда взялись слова. За столом был свободный стул. Нина подалась вперёд и начала сгибать колени, словно стул стоял прямо перед ней. Артём крепче сжал её плечо.

Она отступила и уткнулась спиной в Артёма. Он придержал её за плечи, почувствовал, как часто она дышит. Кирпичи опять стояли на месте.

— Я не хотела туда, — произнесла она. — То есть хотела. Но не так. Как будто я там уже была и надо просто досидеть до конца.

Артём взял её ладонь. Холодная, хотя в кладовой было душно. Потёр пальцы, не придумав ничего лучше.

Нина подняла глаза. В них была не благодарность. Удивление: он тоже испугался, но остался здесь, рядом.

— Пока один снаружи, — сказал он. — Если опять откроется. Один всегда снаружи.

Она кивнула. Не отпустила руку сразу.

Нина подошла к окну. На стекле лежало отражение её лица, чуть раздвоенное. Артём смотрел на отражение и не сразу понял, что она тоже его видит.

— Что?

— Ничего. Свету ждём.

Нина опустила глаза. Пальцем стёрла с подоконника засохшую каплю.

— Митя начнёт торговаться.

— Пусть со мной.

— С тобой он быстро. Со мной сначала вспомнит, как я ему контрольную переписала. В девятом классе, представляешь? До сих пор проценты идут.

— За контрольную?

— За семейную близость. Ему тройку поставили, кстати.

— Ты плохо переписала?

— Я старалась правдоподобно.

Он засмеялся. Она улыбалась ему, и Артём вдруг не знал, что сказать дальше. На работе любое молчание можно заполнить вопросом: где нож, сколько порций, кто заберёт? Здесь Нина не ждала от него никакой нужной вещи. Просто стояла рядом.

— В бассейне хорошо было? — спросил он наконец.

— Очень. Пока плавала, ни одного человека в голове. Потом вышла — все вернулись.

— Быстро плаваешь?

— Женщина рядом меня четыре раза обогнала. Лет на двадцать старше. Я сначала утешалась, что у неё ласты. Не было у неё ласт.

Она засмеялась сама, не дожидаясь его ответа. У смеха оказался чуть низковатый конец, как будто ей не хватало дыхания. Артём запомнил этот звук раньше, чем успел решить, нравится ли он ему.

Света подтвердила ранний выход. Нина забрала рулетку и кусачки. В четыре ей нужно было уехать, и она несколько раз проверила, взяла ли ключ от кладовой. Артём не стал просить остаться.

От Лиды пришли три предложения помещений. На фотографии общей кухни всё было чистым и чужим: высокие стеллажи, узкий проход, чьи-то одинаковые коробки. Артём увеличил снимок, почувствовал, как опять поднимается злость.

«Совместную пока убери».

Отправил, не открывая условия.

Потом открыл Нинину переписку. Несколько секунд смотрел на пустую строку. Набрал вопрос про среду, стёр. Написал заново:

«К обеду успеешь? Готовлю на команду. На одного больше могу».

Ответ пришёл, когда он нёс ящик. Артём поставил его, достал телефон мокрыми пальцами.

«К часу. Если задержусь, предупрежу».

Она обещала только приехать к обеду. Он прекрасно это понимал. И всё равно перечитал ещё раз.

Глава 5. Второе имя

Полина сначала попросила показать провод.

Нина достала телефон. На фотографии был обыкновенный серый обрубок, кирпичи за дверью, пыльная рука Артёма на краю рамы. Никакой белой перчатки, никакого света.

— На видео тоже ничего, — сказала она.

Подруга отложила шестигранник. У недособранной лампы лежал абажур; Полина накрыла его коробкой, освобождая Нине место на полу.

— Ты спала?

— Спала. Не надо сейчас про нервы. Он тоже видел.

— Я не про нервы. Ты вчера три раза про одно спросила. Сядь.

Нина села на край кресла. Ей хотелось рассказать всё быстро и правильно, чтобы Полина поняла. Но при словах «женщина в отключённой трубке» сама слышала, как нелепо это звучит. Как будто решила привлечь внимание после нескольких лет скучных рассказов о работе.

Полина взяла снимок свадебной пары, приблизила.

— Это твой Артём?

— Не мой. И не он. Тут девяносто третий год.

— Я дату вижу. Лицо знакомое почему-то.

Нина промолчала. От этого «твой» стало жарко, и она разозлилась на себя: при чём здесь это сейчас? Речь о женщине, которая просит помощи. Об отце, который смотрит из времени, где ещё не знает, что умрёт.

— В газетах должно быть, — сказала Полина. — Если утонула. Есть подшивки районные, у нас библиотекарь когда-то оттуда выставку делала. Я позвоню.

— Нам репетицию надо.

Полина посмотрела на неё.

— До десяти ещё сорок минут. За сорок минут можно позвонить библиотекарю. А ты поешь наконец.

Нина закрыла глаза. Из дома привезла почти целый пакет яблок; вчера мать отправила первые тридцать тысяч за четыре свадьбы и подготовку закрытия. Всё было по-прежнему: деньги, работа, два города. А она сидела в кресле и боялась, что, если отвлечётся, та женщина навсегда останется одна.

Репетицию они провели плохо. Нина задала один вопрос дважды, перебила гостью, не услышала ответа. Полина вытащила её в коридор.

— Либо остаёшься здесь, либо уходишь разбираться со своим. Посередине я не вывезу, Нин.

Хотелось обидеться. Сказать, что она пришла, несмотря ни на что. Но за стеклом сидела незнакомая женщина, прижимала к коленям бумаги и ждала, пока двое взрослых людей перестанут тратить её время.

Нина выключила телефон. Вернулась, извинилась. Потом полчаса слушала — сначала через силу, затем с неожиданным интересом. Художница показывала один рисунок, где убранная линия меняла выражение целого лица. Нина подумала об отцовской руке за спиной. О том, чего нет в кадре.

В библиотеку поехала после полудня.

В подшивке за июль пахло сыростью. Женщина за столом выдала карандаш и велела не смачивать пальцы. Нина переворачивала ломкие страницы, читала про ремонт дороги, победителя районных соревнований, цену картофеля. Та ночь существовала одновременно со всеми этими обычными новостями. Люди покупали продукты, опаздывали на автобус, и в этом же городе Ася ждала жениха.

Нашла на шестой странице. Короткая заметка о несчастном случае у старой переправы. Молодая женщина погибла в ночь на двадцать третье июля. По словам родственников, ушла с праздника «в расстроенном состоянии».

Ни фамилии жениха, ни причины.

Нина переписала строку. Карандаш оставлял слишком бледный след.

На соседней странице, уже собираясь закрыть подшивку, увидела второе сообщение. Мужчина двадцати семи лет. Та же ночь, тот же участок реки. Тело обнаружили ниже по течению. Имя: Данила Ланской.

Несколько секунд она смотрела на буквы, не складывая их в слова.

Ланской.

Она достала фотографию. Жених, похожий на Артёма. На обороте имя Аси, дата — больше ничего.

Мать сказала: уехал.

Ася спросила: он у вас?

Нина набрала Артёма. Он ответил не сразу; на заднем плане гремела посуда.

— Ты знал Данилу Ланского?

Шум отдалился. Артём, видимо, вышел.

— Откуда ты…

— Ты знал?

Он долго молчал. Нина смотрела на закрытый читальный зал за стеклом и чувствовала, как тревога превращается в злость. С ним получилось легче дышать, только потому и удалось поверить, что она не сходит с ума. И теперь он выбирал, сколько ей сказать.

— Дядя мой, — ответил Артём. — Отца младший брат. Я вчера семейный альбом попросил. Нам говорили, он ушёл со свадьбы, потом погиб. Я думал, позднее. Не в эту ночь.

— И на снимке узнал?

— Показалось, что узнал.

Нина прижала ногой край сумки, чтобы не стукнуть ею со злости об стол.

— Он погиб, пока она его ждала. Не потом, понимаешь? В ту же ночь.

На другом конце ничего не было слышно.

— Артём?

— Я здесь.

Голос стал другим. Он знал, что дяди давно нет. Не знал, как мало времени оставалось между серым костюмом на фотографии и этой заметкой. Злость не исчезла, но теперь Нина слышала за его молчанием растерянность: он тоже всю жизнь представлял себе другую историю.

— Я пришлю, — сказала она тише. — Прочитаешь сам.

После библиотеки Нина вернулась на Почтовую. Полина разбирала бумаги, подняла лицо, сразу всё поняла.

— Нашла?

— Двоих. Там двое.

Она села, уронила сумку и вдруг заплакала. Не из-за газетной заметки даже. Из-за того, что отец стоял на снимке рядом, молодой и живой, а теперь единственный человек, которого хотелось спросить, уже не мог ответить.

Полина присела перед ней.

— Мы можем дальше искать. Не сегодня — завтра. Но ты не обязана одна.

Нина качнула головой: знает. Потом подняла глаза.

— Я не хочу, чтобы он был там просто последним гостем. Понимаешь?

Подруга помолчала.

Матери Нина позвонила из коридора. Спросила без вступления, знала ли та про Данилу.

— Его потом нашли, — сказала Вера. — Не сразу. Нам сказали, что он со свадьбы ушёл. Уже потом к реке… Я тогда дома с тобой сидела.

— Ты мне сказала: уехал.

Мать молчала так долго, что Нина услышала, как за стенкой запускают принтер.

— Да. Так папа в ту ночь сказал. Я всё время это и помню. А после… Нина, я знаю, как это сейчас звучит.

— Почему ты не рассказала про второго погибшего?

— Потому что ты спросишь дальше. А я не знаю. — Голос дрогнул. — У меня столько лет получалось не спрашивать.

Нина закрыла глаза. Впервые почувствовала, что мать боится не старого телефона. Боится услышать от дочери вопрос, который сама не задала мужу, пока он был жив.

— Я буду спрашивать, мам, — сказала она. — И тебе скажу, что найду.

На другом конце всхлипнули. Нина не стала обещать, что всё окажется хорошо.

— Понимаю. Но если найдёшь другое — тоже придётся прочитать.

Вечером Митя прислал фотографию подсвеченной яблони. За пять тысяч вместо всего сада согласовал одно дерево; Даше понравилось. После оплаты Светы и света у него из восемнадцати комиссии оставалось семь. В другом чате Полина написала про возможную программу с ноября: бюджет пока не утвердили, но подумать можно.

Нина отвечала людям, которые продолжали жить в этом августе. Потом открыла отцовскую переписку. Последнее сообщение было обычным: «Доехала?» Семилетней давности.

Она не нажала на голосовые. Боялась, что сегодня услышит в них что-нибудь ещё.

В среду она приехала к часу. На кухне обедали; Артём подвинул стул, и Нина увидела у его тарелки распечатку двух газетных заметок.

— Я альбом принёс, — сказал он.

На другом снимке Данила стоял с мальчиком на плечах. Артём указал на мальчика:

— Я. Четыре года.

Нина посмотрела на взрослого мужчину перед собой и вдруг остро почувствовала, сколько времени отнято одной неправильной историей. Он помнил человека, которого в семье сначала осудили, а потом предпочли не вспоминать.

Злиться за молчание всё ещё хотелось. Придвинуться — тоже. Она поставила свой стул рядом с его и впервые сама спросила, что он помнит.

Глава 6. Что будет на тарелке

С первого ящика Артём снял крышку спокойно. Со второго — уже слишком резко.

Вместо ровного порционного филе внизу лежали длинные полосы и мелкие куски. Судак. По названию всё верно. Даже запах чистый, хороший. Только завтра сорок четыре человека должны получить блюдо, которое Даша пробовала в субботу, а из этого выйдет совсем другое.

Водитель посмотрел на часы.

— У меня шесть точек ещё, командир.

Артём медленно положил крышку. Если ответит сразу, водитель получит всё, что предназначалось менеджеру, складу, Вере и заодно ему самому за привычку рассчитывать на людей.

— Нижние обратно.

— Вес сходится.

— Забирайте.

Менеджер подтвердил: порционное филе закончилось, положили то, что было. Мог дать скидку; исправить поставку к утру не обещал. Артём вернул ящики. Подписывая остальное, продавил ручкой три листа и всё равно едва не попросил водителя подождать: вдруг удастся найти решение, не признавая перед людьми, что не справился.

— Что делаем? — спросила Зоя.

— Ищу.

Он сделал пять звонков. В одном месте было мало, в другом завтра после обеда, ещё в двух не отвечали. У пятого нашлась треска. Хорошая, крупная, но всё равно треска. Артём попросил отложить до полудня.

— Из принятого судака можно другое сделать, — сказала Зоя. — Только не сорок четыре.

— Я вижу, сколько.

Она положила нож.

Он сразу пожалел о тоне, но извинение застряло. Зоя была рядом восемь лет, можно ведь хоть при ней не подбирать каждое слово. Она отвернулась к моркови.

— Тогда не стой над душой.

Он отошёл. У окна попался собственный силуэт: сутулый, с головой, втянутой в плечи. Не так он представлял себя в тридцать семь. Вчера вечером считал, где станет новый стол; сегодня не мог даже достать рыбу, которую обещал.

Нина вошла без десяти десять. Приехала к девяти проверить приготовления, потом забирала рамки и папку для своего пробного вечера. Артём слышал её шаги в зале и почему-то надеялся, что она не зайдёт до отъезда. Утренней злостью не хотелось пачкать то, что осталось от среды.

— У меня до одиннадцати время, — сказала она. — Что-то вместе нужно?

Он потёр пальцем край телефона.

— Рыбу не ту привезли. Часть вернул. Думаю.

Нина перестала прижимать папку к боку.

— На завтра?

— Нет, на Новый год.

Она смотрела на него. Артём отвернулся первым.

— Извини. На завтра. Есть треска, попробую сейчас.

— Даша в десять будет. С Романом таблички ставят. Скажешь им?

— Сначала приготовлю.

— Хорошо.

Он ожидал, что она продолжит. Стал объяснять сам:

— Не хочу перед свадьбой ещё и этим их… Они уже всё выбрали.

Нина посмотрела на ящики. Подвинула папку подальше от мойки.

— Я бы хотела знать.

— Что всё пошло не так?

— Что я завтра буду есть. Если уж совсем по-простому.

У неё тоже стал резче голос. Артём ощутил нелепую обиду: она ведь в среду смеялась, смотрела на него совсем иначе. А сегодня видела упрямого человека, который не умеет решить одну проблему.

— Я у террасы, — сказала Нина. — Позови, если надо.

Она ушла. Артём несколько секунд смотрел в дверной проём, потом набрал Лиду и попросил забрать пробную рыбу.

Лида согласовала доплату за другой продукт и попросила записать её отдельно. Артём ответил резче, чем требовалось. Ему казалось, что все сегодня видят его ошибку раньше него самого.

Лида привезла рыбу. Зоя без лишних слов освободила стол. Артём развернул бумагу, положил ладонь на холодное плотное филе. Здесь он наконец знал, что делать. Соль, немного масла, горячая поверхность. Важнее не высушить середину, чем изобразить из трески судака. Он сделал другой соус, легче прежнего, добавил лимон не сразу.

Пока готовил, плечи постепенно опустились. Зоя подала тарелку. Он попробовал кусочек, выдохнул и позвал Нину.

Даша пришла с мотком белой ленты на запястье. Роман прислонил обе части стойки к стене, потом передвинул, опасаясь задеть дверь. Артём ждал, когда они освободят руки, и с каждой секундой первая фраза становилась тяжелее.

— Я не смогу завтра сделать ту рыбу, — сказал он наконец. — На всех. Поставщик подвёл, другого судака не нашёл. Вот что могу взамен. Попробуйте, пожалуйста.

Даша посмотрела на него, потом на тарелку. Он подвинул приборы, добавил, что цена не изменится. Если не подойдёт, будут искать другое решение.

— А меню, — сказал Роман. — Уже напечатали.

Артём закрыл глаза на секунду. Конечно. Ещё и меню.

— Исправим.

— Там подруга рисовала. Файл у неё.

Нина подвинула стул Даше.

— Ром, напишите ей пока. Узнайте, можно одну строку поменять. Печать здесь есть, успеем.

Она сказала «успеем» тихо, не ему, и от этого Артёму стало легче стоять возле собственного стола.

Нина села рядом с Дашей. Артём ждал, что она как-нибудь поможет — заговорит о другом, первой похвалит, даст этим людям удобный ответ. Она молчала. Пришлось и ему выдержать несколько секунд, в которые решение принимали без него.

Даша попробовала. Откусила ещё, повернула тарелку к жениху. Он отложил телефон, взял вилку.

Артём не мог перестать следить за их лицами. В обычный день он увидел бы, как человек пробует соус, раньше, чем услышал оценку. Сейчас Даша дольше обычного молчала, и он уже начал искать, что ещё предложить.

— Вкусно, — сказала она. — Мне даже так… Ром, да?

Роман согласился. Артём почувствовал облегчение и тут же рассердился на себя за него: взрослый человек, а ждёт, чтобы похвалили.

— Только нам завтра скажут? — спросила Даша, не отдавая тарелку. — Если ещё что-нибудь другое будет.

Он посмотрел на неё. Она сидела, обмотав лентой два пальца. Не капризничала, не угрожала отзывом. Боялась приехать на собственную свадьбу и обнаружить, что всё уже решили без неё.

— Скажу, — ответил он. — Остальное сейчас проверено. Рыбу без вас не меняю.

Даша разжала пальцы, высвободила их из ленты. Спросила про блюдо Роминого брата. Артём показал отметку. Роман получил исправленный файл; за новым тиражом заедет завтра по пути, счёт отправят Артёму. Никто не сказал «всё хорошо», но Даша доела гарнир, а на выходе помахала Зое.

Когда они ушли, Артём опёрся на стол. Зоя забрала тарелки.

— Я не на тебя рявкнул, — сказал он.

Она посмотрела через плечо.

— А попал.

— Прости.

Зоя смыла остаток соуса, поставила тарелку в мойку и вернулась к моркови. Не стала говорить, что ничего страшного. Артём был ей благодарен и за это.

Нина пришла за папкой за шесть минут до одиннадцати. Он спросил, не опоздает ли она на свой вечер.

— Нет. Если сейчас уеду.

Он кивнул. Хотел сказать спасибо за стул, за то, что не смотрела на него с сочувствием. Вышло только:

— Им понравилось.

— Я видела.

На этот раз улыбнулась она. Очень слабо, но напряжение отпустило.

— У вас сегодня народу сколько? — спросил он.

— Сколько придёт. За это и переживаю.

— Придут.

Нина наклонила голову.

— Ты не знаешь.

— Не знаю. Хочется, чтобы пришли.

Она посмотрела прямо на него. Несколько секунд не бралась за папку. Артём ощутил, как от этого взгляда становится жарче, чем у плиты.

— Мне тоже, — сказала Нина и ушла.

К вечеру кухня снова работала так, как он привык. Исправленное меню подтвердили, треску привезли, Свете показали шкафчик для вещей. Лида внесла дополнительные расходы отдельно; увидев его запись, только прислала большой палец. Зоя ушла в девять. Он помог Мите убрать коробки, посмотрел на пробный свет в яблоне.

На тёмных ветвях лежали тёплые пятна. Днём всё это казалось дешёвым и лишним, сейчас от дерева не хотелось отходить.

— Вот же, — сказал Митя. — Не надо было весь сад. Я думал, мало будет.

Артём посмотрел на него. Не стал ни утешать, ни напоминать, сколько стоило это понимание. Поднял последний ящик, помог поставить на полку.

Без двадцати одиннадцать у ворот задребезжал номер знакомой машины.

Нина выключила двигатель и не вышла. Артём подошёл, нагнулся к опущенному стеклу. Внутри пахло бумагой, тёплой тканью и сладковатыми духами. Она сидела, откинув голову; под уставшими глазами размазалась тень.

— Не удался вечер? — спросил он.

Она подняла лицо.

— Удался. Я просто больше не встаю. Всё, человек кончился.

— Тебя достать или оставить до утра?

Нина засмеялась. Голос был ниже обычного, чуть сипел. Артём вспомнил, как она смеётся, не сдерживая дыхание, и улыбнулся прежде, чем успел придумать причину.

На заднем сиденье лежали рамки. Их отнесли в зал; свет в коридоре позволял не включать верхний. Без скатертей столы казались тяжёлыми, почти чужими. Нина поставила рамы и задержала ладони на пояснице.

— Можно минуту пройтись? Ноги после машины.

Во дворе было тепло. Они шли к калитке, не торопясь. Нина рассказывала: семнадцать человек, двое ушли, остальные остались разговаривать после конца. Один спросил так смешно, что Полина не смогла объявить следующий вопрос.

Она пыталась вспомнить точную фразу, морщила нос, махала рукой: нет, не так. Артём смотрел на неё и впервые думал не о том, как хорошо она справляется. Хотел увидеть её там. Сесть сзади, послушать, как говорит другим голосом. Чтобы она заметила его не сразу.

У калитки Нина полезла в сумку.

— Тебе привезла. Только не смейся, это закладка. Типография лишних наделала.

На узкой полоске были нарисованы окна и человек с книгой. С обратной стороны — название центра. Артём провёл пальцем по плотной бумаге. Нина смотрела на его руку.

— Книг бумажных у меня мало, — сказал он и сразу пожалел: будто подарок некуда девать.

— У меня тоже она как линейка работает. Необязательно читать до утра.

Он поднял глаза. Она стояла близко; у лица выбилась прядь, и он опять захотел убрать её. Сунул закладку в карман, чтобы занять руку.

— Спасибо, Нина.

Она чуть кивнула. По тому, как сразу отвела взгляд, он понял: привезла не потому, что лишняя.

Позвонила Вера. Нина сказала, что сейчас будет, спросила про магазин и засмеялась: уже закрыт. Они вернулись к машине. Артём придержал дверцу, пока она садилась, потом не сразу убрал руку.

— Завтра поспи хоть немного, — сказала она.

— Ты тоже.

У машины Артём всё-таки задержал Нину.

— Тамара сказала про музыку? Какая играла в девяносто третьем?

Нина назвала песню. Он открыл запись старого свадебного вальса на телефоне. Первые ноты узнали оба.

В кладовой за стеклом зажёгся свет.

Они не пошли туда. Стояли у машины, слушая, как из пустого здания звучит музыка, которую Артём уже остановил.

— Завтра настоящая свадьба, — сказала Нина.

Она не закончила. Он понял: кирпичная стена ждёт чего-то, что они собираются устроить для семидесяти двух живых людей.

Артём выключил телефон совсем. Музыка оборвалась только через несколько секунд.

— Скажем Мите, чтобы кладовую запер, — произнёс он. — И ни одного гостя туда. Даже за вазой.

Нина кивнула. В своей машине закрыла дверь, опустила голову на руль. Ехать к матери было десять минут, но пришлось посидеть, пока руки перестали дрожать.

Он подождал, пока машина исчезнет за поворотом. Во дворе больше никого не было. Артём закрыл ворота, проверил замок и только тогда позволил себе вынуть закладку ещё раз. Окошки на рисунке почти не различались в темноте. Он поднёс её к фонарю, перевернул, глупо улыбаясь самому себе.

Утром предстояло накормить семьдесят два человека. Сейчас ему хотелось, чтобы одна женщина дошла до материнской двери, легла и почему-нибудь вспомнила его, прежде чем уснуть.

Глава 7. Праздник по порядку

В субботу к половине третьего Нина сбилась со счёта, сколько раз прошла от ворот к террасе. Обычно она проверяла маршрут один раз, но сегодня всякий новый предмет казался ей угрозой: сумка у двери, коробка с цветами, стойка, которую фотограф переставил ради света. На четвёртом круге она нашла у служебного входа собственную папку и отнесла её в кабинет.

Света приехала вовремя. Поставила сумку на полку, переоделась и сразу спросила, кто принимает подарки, если гости начнут отдавать их ей вместе с пустыми бокалами. Этот вопрос они с Артёмом не предусмотрели. Нина нашла Митю и вручила ему свободный стол возле окна.

— Только не уходи, пока все не придут, — попросила она. — Если нужно выйти, скажи мне или Кириллу.

Митя потрогал карман рубашки, проверяя телефон.

— Я сегодня никуда не ухожу. Я уже слишком много за это заплатил.

Он сказал без улыбки. Нина посмотрела на него внимательнее: брат побрился, надел чистую светлую рубашку и от волнения застегнул верхнюю пуговицу, хотя галстука не было. Она хотела поправить воротник и оставила руки при себе.

Первые гости приехали за семь минут до трёх. Галина Викторовна привезла свою мать и сразу начала объяснять ей, почему церемония будет здесь, а не под яблоней. Даша просила не говорить, что что-то меняли из-за бабушки; Нина стояла рядом и уже не могла сделать вид, будто не слышит.

— Хорошо, что близко, — сказала бабушка, дождавшись паузы. — А то я в туфли зачем-то влезла. Принесите мне из машины пакет, там другие.

Галина Викторовна растерялась, затем ушла за пакетом. Света подвинула стакан с водой, а Нина помогла поставить стул так, чтобы он не качался на стыке плит. Бабушка поблагодарила, вытянула ноги и стала ждать дочь. От неё пахло лавандовым мылом.

Через четверть часа в зале уже разговаривали сразу со всех сторон. Ранние гости хотели осмотреть сад, поздние звонили тем, кто стоял у дверей, и просили выйти навстречу. Нина поймала себя на том, что пытается отвечать на каждый вопрос, даже когда вопрос задают Мите. Отошла к террасе, где у неё была своя работа.

Даша и Роман приехали в половине четвёртого. У Романа на пиджаке не оказалось бутоньерки. Он засмеялся, сказал, что она осталась на столе в прихожей и теперь вполне может жениться там сама.

Нина предложила взять цветок из оформления. Даша отрицательно покачала головой.

— Не надо разбирать. Он без неё нормально выглядит.

Роман с облегчением расстегнул пуговицу. Вблизи на его запястье виднелось пятнышко той самой белой краски, которую он не отмыл за неделю.

Нина провела их за ширму, уточнила последние два пункта. Кольца у них, бабушка сидит, музыка готова. Длинного блока поздравлений не будет: так они подтвердили в среду Кириллу, ведущему. Несколько коротких тостов между подачами, остальным дадут возможность подойти лично. Даша ещё раз попросила не включать длинный семейный фильм во время ужина. С родителями она поговорила сама.

— Папе скажите, что мы после посмотрим, — добавила она. — Он всё равно будет пытаться.

— Лучше скажите ещё раз вы, — ответила Нина. — Я помогу со временем, если понадобится.

Даша кивнула, как человек, которому вернули неприятное, но знакомое дело, и вышла к отцу.

Пётр Сергеевич был крупным, загорелым; седина короткими иглами торчала над ушами, белый воротник натягивался на шее. Говоря с дочерью, он поглаживал её ладонь большим пальцем. Этот почти незаметный жест Нину почему-то задел сильнее объятий. Отец тоже так делал: брал её руку целиком и тёр пальцы, даже когда она давно перестала мёрзнуть. Даша стояла, подняв лицо, и была сейчас совсем похожа на девочку, которая пришла просить разрешения. Нина отвернулась к микрофону. За спиной Пётр Сергеевич тихо засмеялся; Даша ответила ему тем же смехом. Нина проверила звук второй раз, хотя он работал.

Церемония началась на пять минут позже. Опоздавших больше не ждали, но они успели подойти в тот момент, когда Кирилл попросил всех повернуться к дорожке. На секунду Нине захотелось задержать выход: гостья в ярком платье остановилась ровно там, где должен был пройти Роман. Он просто обошёл её, извинился и помахал Даше, которая ждала своего вступления за краем ширмы.

Она рассмеялась раньше музыки. Нина тоже улыбнулась и перестала считать секунды.

Когда они обменялись кольцами, бабушка Даши вытащила из сумки небольшой старый фотоаппарат. Галина Викторовна потянулась помочь, но та отвела руку и сама подняла его к глазам. Неизвестно, попали ли молодожёны в кадр: аппарат смотрел чуть выше. Зато бабушка потом долго разглядывала экран и была довольна.

Нина заметила Артёма возле двери зала. Он стоял с Ильёй, обсуждая что-то вполголоса, и на несколько секунд повернулся к террасе. Их взгляды встретились. Он едва заметно кивнул в сторону освободившейся дорожки: проход был свободен, можно начинать перемещение гостей.

Сначала они пропустили старших, затем остальные потянулись в зал сами, задерживаясь возле табличек, которые сделал Роман. Нина услышала, как кто-то хвалит рисунок, и ей захотелось немедленно позвать жениха. Потом увидела: он уже стоит рядом и пытается объяснить, что руки на одном человечке получились длиннее, чем задумывалось.

За стол сели в пятом часу. Ведущий познакомил тех, кто ещё не знал друг друга, дал слово родителям. Мать Романа растерялась и прочла поздравление с телефона; экран погас на середине, и Роман подсказал ей собственное имя, хотя она его не забыла. В зале засмеялись, и она тоже.

Пётр Сергеевич поднялся следующим. Поначалу говорил коротко: про Дашу, которая в детстве прятала у него в ботинках конфеты, про Романа, которого впервые увидел с этой самой коробкой самодельных вещей. Потом взял микрофон удобнее и сказал, что теперь покажут небольшой фильм.

Кирилл посмотрел на Нину. За пультом звука молодой человек замер с рукой над ноутбуком. Пётр Сергеевич уже начал объяснять, что они собирали фотографии всей семьёй.

Нина подошла к Даше со стороны окна.

— Сколько он идёт?

— Тридцать восемь минут, — тихо сказала та. — Я видела. Мы просили после торта, отдельно, для тех, кто захочет.

— Оставляем как договорились?

Даша посмотрела на отца, потом на Романа. Тот накрыл ладонью её руку.

— Да, — ответила она. — Только папу сейчас дослушаем.

Нина передала Кириллу решение, и он дождался, пока Пётр Сергеевич закончит очередную историю. Поблагодарил, напомнил о запланированном времени фильма. Но тот не отдал микрофон.

— Нам же не на поезд. Пусть все посмотрят, пока ещё все вместе.

Несколько гостей закивали. Кто-то крикнул, что ради Даши готовы и подождать. Молодожёны сидели рядом, а обсуждали их так, словно места за столом они заняли случайно.

Нина видела это и знала, как легко сейчас будет сказать: ладно, тридцать восемь минут. Отложат горячее, урежут танцы, после свадьбы пара будет жалеть, но с ней лично не поссорится никто.

Она подошла к Петру Сергеевичу и негромко предложила выйти на минуту в коридор. Он посмотрел сверху вниз, затем всё-таки отдал Кириллу микрофон.

— Я не понимаю, в чём проблема, — сказал он за дверью. — Мы специально готовили. Люди из другого города приехали. Что они должны, сами к ней по одному подходить?

— Могут подходить, могут сказать тост позже. Фильм Даша и Роман попросили оставить на конец вечера.

— Даша сказала, если вы разрешите. Я с ней разговаривал.

Нина почувствовала, как начинает злиться. Это могла быть правда: девушка действительно могла сослаться на неё, чтобы не спорить с отцом. Ей хотелось сейчас же вернуть разговор за стол, заставить всех высказаться без посредников. Но гости уже ели, а Даша сидела под взглядом нескольких родственников и точно не нуждалась в публичной проверке своих слов.

— Только что я ещё раз спросила их обоих. Решение прежнее.

— То есть я оплачиваю праздник, а мне объясняют, когда говорить о своей дочери?

— Вам дали слово. Фильм тоже покажем. В то время, которое они выбрали.

Он отвернулся к окну. На подоконнике стояли бумажные стаканы, забытые монтажниками. Нина собрала их, чтобы освободить место, и сразу разозлилась на себя: даже сейчас нашла, что прибрать.

— Вы свою свадьбу проводили? — спросил Пётр Сергеевич.

— Нет.

— Тогда, может, не всё ещё понимаете.

Он вернулся в зал. Нина осталась с тремя стаканами в руке. Пластик тихо хрустел под пальцами. Ей вдруг стало не тридцать четыре, а семнадцать — опять взрослая чужая женщина решает, что с ней что-то не так, потому что у остальных уже есть пара. Только теперь это сказал мужчина, который минуту назад так нежно держал дочь за руку.

Нина посмотрела в окно. На стекле дрожало её бледное отражение: узкий рот, нелепо поднятые брови. Она попыталась улыбнуться ему, получилось хуже. Можно вернуться, сказать, что её семейное положение тут ни при чём. Он посмотрит с вежливым удивлением, а Даша будет сидеть рядом и ждать, когда чужая тётка перестанет выяснять отношения на её свадьбе.

Нина выдохнула через рот. Разжала пальцы. Один стакан смялся так, что его уже нельзя было поставить.

Вера вышла почти сразу.

— Он обиделся, — сказала она. — С Галиной поговорил, она теперь тоже расстроена. Можно было им десять минут дать.

— Там тридцать восемь.

— Ну сократили бы как-нибудь. Они же родители.

Нина выбросила стаканы.

— Мам, мне нужно вернуться к работе. Если он хочет пересмотреть услуги площадки, поговорите после праздника. Программу я сейчас менять не буду.

Вера посмотрела на неё так, будто они спорили не о чужой свадьбе, а о чём-то давно домашнем. Нина не стала ждать продолжения. Вышла через служебную дверь и увидела Артёма возле кухни.

— С горячим во сколько? — спросил он.

Она машинально посмотрела на часы. По плану ещё оставалось время.

— Как договаривались. Большой паузы не будет. Фильм после торта.

— Хорошо.

Он уже повернулся к двери, затем задержался.

— Вам пять минут нужно?

— Для чего?

— Посидеть. Я могу сказать Кириллу, что вы здесь, если будут искать.

Нина хотела отказаться. Потом заметила под навесом низкую скамейку — утром её вынесли, освобождая место для коробок. Села, прижав ступни к земле.

Артём не сел рядом. Принёс воду, поставил на ящик возле скамейки и вернулся к своим людям. Из кухни послышался его голос, потом короткий ответ Ильи. У Нины было время выпить половину стакана и перестать мысленно отвечать Петру Сергеевичу.

Вернувшись в зал, она встретилась взглядом с Дашей. Та показала большой палец у края стола, почти незаметно. Нина кивнула и прошла дальше, не превращая благодарность в отдельное событие.

Потом вечер перестал поддаваться счёту. Потерялся детский ботинок; нашёлся под столом, за которым не сидели дети. У фотографа закончился один аккумулятор, второй лежал в машине, и Митя сходил за ним, не созывая помощников. Роман на первом танце наступил Даше на подол. Она остановилась, собрала ткань повыше, и они начали заново, уже не стараясь повторить то, что репетировали.

Пётр Сергеевич долго сидел молча, потом встал танцевать с женой. Нина заметила это и испытала такое облегчение, что ей стало стыдно: она едва знала его, а уже позволила его настроению определять весь вечер.

Торт вынесли в половине десятого. Бабушка Даши дождалась своего куска и сказала, что крем можно было сделать менее сладким. Даша засмеялась и попросила не говорить это кондитеру: ему и так сегодня звонили четыре раза.

После торта в боковой части зала включили фильм. Нина помогла повернуть несколько стульев. Даша сама подошла к отцу, взяла его под руку и усадила рядом. С ними осталось человек двадцать; остальные разговаривали у террасы, танцевали, собирались домой. Пётр Сергеевич смотрел на экран, иногда наклоняясь к дочери. В этот раз Нина не пыталась понять, доволен ли он.

После одиннадцати Нина попросила Свету подменить её до половины двенадцатого. Не «куда-нибудь отойти» — сказала, что будет с Артёмом у старой кладовой. Митя остался встречать выходящих в сад. Им никто не должен был понадобиться.

В 23:17 свет вспыхнул сам.

Кирпичей за красной дверью не было. За ней сидели люди, которых Нина видела на снимке. Столы были тесными, белые скатерти желтели в ламповом свете. Где-то гремели последние аккорды вальса.

Нина держала Артёма за руку. Сделала один шаг.

Сразу стало прохладно. Пахло мокрыми волосами и речной водой. У стены мужчина в сером костюме торопливо расстёгивал пиджак. Данила. Улыбнулся кому-то за Нининой спиной:

— Я быстро. Там мальчишка один полез.

Она хотела остановить его. Пальцы прошли сквозь ткань. Данила не увидел, ушёл. Люди за столами продолжали говорить.

Нина повернулась к двери и не нашла её.

Вместо прохода стоял высокий шкаф. За ним Артём звал её, но голос доносился как из другой квартиры. Надо подождать, подумала она. Сейчас вернётся Даня, и можно будет домой.

Чужая мысль оказалась такой тёплой и простой, что Нина села.

— Нина! Посмотри на меня!

Она подняла лицо. У красного стекла стоял Артём, живой, в рабочей одежде, совсем не похожий на жениха. Нина вспомнила: её зовут Нина. Даню ждёт не она.

Нина упёрлась ладонями в стол и встала, хотя всё внутри просило досидеть. Боль в колене помогла: её собственная нога, не Асина. Она пошла на голос, протянула руки первой. Артём ухватил, потянул наружу и сам отступил, ударившись спиной о стеллаж.

За дверью была стена. Часы на телефоне показывали 23:32.

Артём держал её так крепко, что было больно. Она не просила отпустить.

Из зала позвал Митя. Нина подняла на Артёма лицо, с трудом произнесла:

— Он не бросал её. Он кого-то спасал.

Артём закрыл глаза. Щека у него дёрнулась. Впервые Нина захотела обнять его не потому, что он умел держаться лучше неё, а потому, что сейчас не умел совсем.

Когда Света подошла предупредить, что её смена заканчивается, Нина отпустила её без просьбы задержаться. Оставшиеся сотрудники справлялись. Раннюю встречу гостей действительно удалось закончить вовремя: чужое полезное «ещё немного» не понадобилось.

Последние машины уехали после полуночи. Даша обняла Веру, затем Нину. От её волос пахло лаком и тёплым воздухом зала.

— Спасибо, что спрашивали нас, — сказала она. — Даже когда я сама пыталась на вас всё свалить.

Нина чуть отстранилась.

— С фильмом?

Даша кивнула.

— Я сказала папе, что вы уже расписали и ничего нельзя менять. Мне так проще было. Извините.

Нине хотелось ответить, что ничего страшного. Но страшного действительно не было, а неприятное было.

— В следующий раз лучше скажите сами. Мне потом трудно говорить за вас.

— Скажу. Только следующую свадьбу не планирую.

Роман забрал у них коробку с оставшимися табличками, и они ушли к машине. На прощание Даша помахала уже обеими руками, забыв придержать подол.

В пустом зале Артём собирал на поднос оставленные у окна чашки. Нина подошла помочь, взяла несколько, но ручки сцепились, и она едва не уронила одну на пол. Артём придержал поднос снизу.

— Оставь. Завтра спокойно уберём.

— Я только эти.

— Тогда поставь сюда, по одной.

Она послушалась. На его пальце было красное пятно от горячего, а на рукаве маленький след соуса. Он заметил её взгляд и опустил рукав.

— Не страшно. Бывает.

Нина кивнула. Поставила последнюю чашку и вдруг очень захотела не прощаться сразу. Ей не хотелось обсуждать отца Даши, меню или жалобу матери. Можно было бы посидеть с ним у окна, смотреть, как гаснет свет в саду, и ничего больше не заканчивать.

Артём зевнул, прикрыв рот локтем.

— Тебе домой далеко? — спросил он.

— К маме десять минут.

— Поезжай. В девять всё ещё будет здесь.

Нина засмеялась, но смех сразу оборвался: усталость оказалась совсем рядом со слезами. Артём заметил. Не полез утешать, только забрал у неё последнюю пустую чашку. Пока он держал её, их пальцы соприкоснулись; Нина не сразу убрала руку. Целый день она выдерживала чужие лица. Сейчас хотелось смотреть только на его — усталое, с тёмной щетиной на подбородке, совершенно не праздничное.

— До утра, — сказала она.

У ворот оглянулась. Он ещё стоял в дверях. Нина подняла руку и вдруг почувствовала: ей есть к кому прийти завтра, кроме матери.

Глава 8. Утро после

Проснувшись, Артём первым делом проверил, не написала ли Нина. Половина восьмого. Он помнил, как отпустил её руки у кладовой, как она до самого конца смены прятала запястья под рукавами. От воспоминания о чужом стуле, на который она так спокойно села, снова стало холодно под рёбрами.

«Как проснёшься — дай знать».

Отправил и положил телефон экраном вниз. Через минуту перевернул.

На столе лежала закладка. Он вытащил её из рабочей куртки перед стиркой: маленькие окна, человек с книгой. Нина привезла ему эту нелепую бумажку ещё до того, как понадобилось вытягивать её из стены. Артём провёл пальцем по краю. Хотелось ещё чего-нибудь такого — лишнего, ни для чего не нужного, просто от неё.

«Проснулась. Вроде я. Буду к девяти».

Артём перечитал «вроде я» и не нашёлся с ответом.

Во «Дворе» оставалась посуда, которую вчера отставили на утро, и мужская куртка на террасе. Он перенёс её к забытым вещам, поставил чайник. Мите напомнил о доплате Свете; тот через несколько минут прислал шесть тысяч без объяснений. С оплатой команды закончили вчера. Можно было хотя бы доесть завтрак, не проверяя остаток в приложении.

Нина приехала с пакетом из булочной. На лице почти не было косметики. Под карими глазами залегли тени, на щеке отпечаталась складка подушки. Он почему-то смутился этой простой, утренней подробности.

— Там человек в машине спит, — сказала она. — У ворот. Я сначала решила, что ему плохо.

— Звук забирают. Напарника ждёт.

— Он мне объяснил. Очень сердито. Кажется, я его спасла от хорошего сна.

Она положила пакет на стол. На запястье, открывшемся из-под рукава, темнели следы пальцев.

Артём смотрел слишком долго.

— Проходит, — сказала Нина.

— Я мог сломать тебе руку.

— А мог не достать.

Она раскрыла пакет, но хлеб не вынула.

— Тём, я ведь не просто заблудилась. Я решила подождать Даню. Села — и так хорошо стало. Будто всё сделала, больше никому ничего не должна. Только дождаться.

Он отодвинул стул, чтобы она могла сесть. Нина посмотрела на него, и оба поняли одновременно. Артём убрал руку со спинки. Она села сама.

— Я тебя звал.

— Слышала. Сначала хотела, чтобы ты перестал. А потом ты сказал моё имя так сердито… — Нина подняла глаза. — Я ужасно обрадовалась, что это ты на меня сердишься. Знакомый человек из правильного времени.

— Я не сердился.

— Теперь знаю.

Он хотел попросить её больше туда не ходить. Слова уже были готовы, правильные и бессмысленные. Она попросила бы его тоже не ходить; потом каждый дождался бы, когда другой отвернётся.

— Что будем делать? — спросил он.

Нина выдохнула. Впервые за утро разжала пальцы.

Они записали, что видели, на обороте вчерашнего меню. Свет появился в 23:17, стена вернулась в 23:32. Могло быть совпадением; всё равно выходить следовало раньше. Будильник — на половину двенадцатого. Один человек остаётся снаружи. Ни за кем из старого зала не идти в другие двери.

Последнее Нина написала особенно крупно.

— И не только имя, — сказала она. — Если опять перестану понимать, спроси что-нибудь про нас. Что я тебе привезла. Что сама помню.

Артём посмотрел на неё.

— Закладку.

— Вопрос должен быть мне.

Он коротко засмеялся. Нина тоже, и от её смеха неожиданно защипало глаза. Артём отвернулся к чайнику. Ещё вчера мог потерять человека, у которого пока даже не знал любимого завтрака.

— Что на ней нарисовано? — спросил он, вернувшись.

— Окна. Человек, который читает. Между прочим, я сама этот силуэт выбирала.

— Я понял, что не лишняя.

Она замолчала, потом принялась доставать хлеб. Улыбка, которую пыталась скрыть, меняла всё лицо. Артёму захотелось подойти сзади и обнять её, положить подбородок на плечо. Он остался у своего стула: хотелось, чтобы она подошла тоже, а не только позволила.

Кофе вынесли на террасу. Нина села боком к солнцу и рассказала про человека на её вечере, который пришёл задать вопрос и двадцать минут рассказывал, почему никогда вопросов не задаёт.

— Ты его остановила?

— На девятнадцатой минуте. Я медленно соображаю.

— А до того?

— Надеялась, что он сам догадается. У меня вообще оптимистическая профессия.

Он рассмеялся. Она смотрела на него, уже не отводя глаз так быстро, и Артём поймал себя на том, что растягивает завтрак. Подливает кофе, хотя она не просила. Придумывает, о чём спросить. Неловко было нравиться женщине в тридцать семь почти так же, как в семнадцать: сидишь, видишь её рот и забываешь, с чего начал фразу.

— В центр придёшь когда-нибудь? — спросила Нина.

— Пришли программу. Только заранее.

Она кивнула. Некоторое время они молчали; это молчание впервые не требовало, чтобы кто-нибудь срочно пошёл за чистой чашкой.

С террасы была видна яблоня. После вчерашнего света на ветках остались провода. Артём представил её без ламп, без стульев вокруг, с чужим грузовым фургоном у самого ствола.

— Всё равно хочется оставить, — сказал он.

Нина поняла сразу.

— «Двор»?

— Да. Глупо, наверное.

Она поставила чашку. Ему уже по этому движению захотелось взять слова обратно.

— Мне хочется, чтобы мама продала, — сказала Нина. — Даже теперь. Я хочу узнать, что было. И не хочу здесь жить.

Артём посмотрел на её руки, потом в сад. Он ждал сочувствия; получил правду, на которую она имела полное право. Почему-то от этого всё равно было больно.

— Я не прошу тебя её отговаривать.

— Сейчас — нет.

Ответить сразу не получилось. Нина не улыбалась, и он тоже не стал. От неё хотелось не только приятного, понял Артём с досадой. Хотелось, чтобы она знала, где ему стыдно, и всё-таки оставалась рядом.

Она осталась. Допила кофе, заговорила о дороге. Перед уходом попросила не проверять дверь в одиночку.

— Сегодня свадьбы нет, — сказал он. — Хочу посмотреть в то же время. Снаружи. Лиду попрошу посидеть здесь.

Нина прикусила губу. Ей явно хотелось предложить остаться самой. Он видел, как она уже пересчитывает дорогу, завтрашнюю работу, ещё одну ночь у матери.

— Я напишу сразу, — добавил он.

— Напиши.

У машины Нина обняла его. Быстро, неловко, сумка упёрлась ему в бок. Он успел коснуться ладонью её спины. Когда отступила, уже не улыбалась.

— Я вчера испугалась, — сказала она. — Теперь только поняла, насколько.

Артём кивнул. Если бы заговорил, получилось бы слишком много.

В 23:16 Лида сидела в кладовой на ящике, укрыв колени курткой. Приехала неохотно, выслушала без шуток. Артём включил тот же вальс, положил перед дверью вчерашний список. Кирпичи оставались кирпичами. В 23:17 ничего не изменилось.

Телефон зазвонил в 23:21.

Лида поднялась так резко, что ящик стукнул о стену.

Артём взял трубку. Те же бокалы, музыка, женский голос. Даня, серый костюм, только на минуту вышел.

— Ася, — сказал он. — Данила погиб. Слышишь меня?

— У вас рядом кто-нибудь есть?

Он повторил. Ответа не получил. Голос снова спросил, где Даня, с тем же коротким вдохом перед именем. Лида прижала ладонь ко рту. Артём нажал на рычаг.

— Как запись, — прошептала сестра.

Он кивнул. Стена не открылась и после половины двенадцатого. Одной музыки и двух испуганных людей оказалось недостаточно.

Нине отправил всё, включая то, что сказал в трубку. Не только спокойное «ничего не случилось».

Она ответила: «Значит, надо попасть к ней самой. И сначала спросить, слышит ли».

Артём смотрел на сообщение. Раньше у него был человек, за которого он испугался. Теперь у них был план, который ему совсем не нравился. Он написал: «Вместе».

Глава 9. Пока меня нет

Светотехник опаздывал на час. Нина стояла у машины, уже в куртке, и слушала объяснение про другой заказ. В десять ей нужно было быть в Нижнем. Митя, вместо которого она приехала, ждал собеседования и не мог сорваться обратно.

— Давайте к девяти, — сказала Нина и поняла, что только что отдала человеку время, которого у неё нет.

Артём вышел с термоконтейнером. Увидел её лицо, поставил контейнер в багажник.

— Опять ждёшь?

Она кивнула. Хотелось, чтобы он предложил сам; тогда можно было бы принять помощь и не чувствовать, что пользуешься человеком, которому и без того обязана.

— До десяти сможешь принять свет? Они сами снимают. Только посмотреть стену после.

— До десяти могу. Потом семинар.

Нина перезвонила технику. Повторила время, передала телефон Артёму и замолчала. Пока они говорили, она взяла коробку с креплениями, переставила, потом вернула. Артём закончил и посмотрел на коробку.

— И её отдадим.

— Там снизу мелкое.

— Увижу.

Нина остановилась. Ей было страшно уехать не только из-за стены. Оставишь часть жизни другому человеку — он сделает иначе, и придётся решить, настолько ли уж необходимо было делать самой.

— Напиши, как закончите, — попросила она.

— Напишу.

На дорогу у неё больше не оставалось запаса. Нина завела машину и всё-таки не стала разгоняться, когда светло-серая стена «Двора» исчезла из зеркала.

В центре они с Полиной вешали двенадцать рисунков. Автор хотел в один ряд. Последний упирался в выключатель; отступить на десять сантиметров значило снять две работы.

Нина разложила рамки в два яруса. Человек у окна теперь смотрел на соседний рисунок, где ребёнок пытался поймать сачком пыль из выбиваемого коврика. Она засмеялась.

— Он откажется, — сказала Полина.

— Давай покажем, а не будем за него отказываться.

По видео художник сначала молчал. Потом попросил поменять местами две рамки. Они подвинули, отошли. Он наклонил телефон, будто от этого мог лучше рассмотреть стену, и впервые улыбнулся.

Нина закончила разговор с чувством маленькой, вполне заслуженной победы. Не уговорила человека уступить. Сделала то, на что он сам захотел смотреть.

Телефон подал сигнал. Магазинная рассылка. Она погасила экран, разозлившись на разочарование: Артём не обязан был стоять с отчётом у снятой лампы. Ей хотелось другого сообщения, только признаться в этом пока было труднее, чем попросить принять демонтаж.

Вчера она позвонила в редакцию районной газеты. Не стала спрашивать сразу про свадьбу: назвала дату заметки, номер страницы, попросила проверить продолжение и подпись под обрезанным снимком. Человек на другом конце вспомнил, где стоят старые подшивки, и обещал посмотреть, когда освободится.

Ответ пришёл ближе к полудню.

Нина открыла два изображения. В продолжении говорилось, что Данила пытался вытащить из воды подростка. Четырнадцать лет, имени не было. На снимке мальчик сидел у машины в чужой куртке; правое запястье забинтовано.

Рядом стоял отец.

Она приблизила экран. От белой рубашки на груди почти не осталось светлого, волосы слиплись. Фотограф снял его сбоку — напряжённый рот, чужое лицо взрослого мужчины. Из семейного альбома Нина знала другого: смеющегося, с рукой за спиной, будто даже перед объективом хотел что-нибудь спрятать от торжественности.

— Нин? — Полина заглянула через плечо.

— Папа был у реки.

Она показала фотографию.

— Может, помогал? — предположила подруга.

Нина уже печатала эти слова Артёму. Стерла «значит, помогал», оставила: «Он здесь. Не в павильоне. Надо найти мальчика». Стало неприятно, будто самой себе отказала в маленькой хорошей новости.

Отправила снимок и матери. Та ответила: «Я этого не видела». Через минуту добавила: «Он всю ночь был там». Ни одного слова о том, зачем раньше называла только закрытый зал.

Нина набрала вопрос, посмотрела на него и позвонила.

— Мам, ты знала, что он к реке ходил?

— Он мокрый приехал. Я решила… Нина, я не знаю, что я решила. Тебе год был. У тебя температура. Он сказал, что не удержал.

Нина прижалась лбом к прохладному оконному откосу.

— Кого?

— Я думала, Асю. Он про неё больше не говорил.

Захотелось рассердиться: удобное «не говорил», которым можно закрыть тридцать три года. Но мать молчала в трубке, ждала следующего вопроса. Нина услышала, как она дышит, и вдруг представила себя годовалую на руках у этой молодой женщины. Тогда он тоже был для неё человеком, который придёт и всё объяснит.

— Я найду, кто там был, — сказала она. — Не буду за него додумывать.

После звонка долго смотрела на рисунки. Ребёнок с сачком всё ещё ловил пыль, ничего не зная о чужих взрослых тайнах.

Полина подвинула стул к своему.

— Пять минут посидим. Потом подписи. Ты со мной?

Нина кивнула. Они пили чай из разных чашек. Подруге не требовалось ни немедленно развеселить её, ни найти смысл в семейной беде. Можно было просто сидеть, прижимая к ладони горячий бок.

Артём прислал голосовое. Свет забрали, стена целая. Бумажные цветы Зоя взяла внуку для поделки. Голос был обычный, уставший; в конце он зачем-то добавил, что на семинаре очень серьёзные люди и ни один пока не отодвинул тарелку.

Нина улыбнулась телефону.

— Ты хочешь с ним куда-нибудь сходить? — спросила Полина.

— Почему?

— Ты даже про семинар слушаешь и улыбаешься.

Нина накрыла экран ладонью.

— Хочу.

От одного слова стало жарко. Она за последние дни сообщила людям такие невозможные вещи — про женщину за кирпичной стеной, про двух погибших, — а теперь сидела, не зная, как объяснить простое желание пройтись рядом с мужчиной.

— Пришли ему программу, — сказала Полина. — Только не служебную рассылку. Ему.

Нина достала телефон. Вместо программы отправила фотографию стены: человек у окна, ребёнок с сачком, ещё не приклеенные подписи. Написала: «Это я сегодня переставила». Без просьбы проверить, без извинения за чужие рисунки в его рабочем дне.

Они закончили стену и подписи до четырёх. В одной фамилии типография ошиблась; Нина отправила исправление и дождалась подтверждения. Потом перестала искать, что ещё можно закончить сегодня.

Артём ответил на снимок: «Этот с сачком сейчас всю пыль обратно в дом принесёт». Нина посмотрела на ребёнка. Сама смеялась именно над этим, когда раскладывала рамки. Набрала: «Поэтому сосед и смотрит в окно. Уже знает, что дома будет». Артём прислал: «Дверь не открывать». Она рассмеялась вслух; Полина подняла голову, но на этот раз ничего не спросила.

У магазина на углу в витрине висел жёлтый шарф с узкой синей полосой. Она замечала его раньше, но всякий раз находилось что-нибудь нужнее. Сейчас вошла, попросила показать и долго смотрела в зеркало. Лицо казалось теплее. На эту женщину, оказывается, можно было посмотреть и не спросить, что она принесла или успела.

— Берёте? — спросила продавщица.

Нина кивнула. Уже на улице обмотала шарф вокруг шеи, хотя было рано для такой тёплой вещи. Хотелось, чтобы Артём увидел её в нём. От этой необязательной, почти стыдной мысли стало легче идти.

Вечером она выбрала бассейн. Митя написал про собеседование, потом спросил о зарядке, оставленной во «Дворе». Нина ответила, что не знает, и убрала телефон в шкафчик.

На дорожке было свободно. Под водой ещё несколько гребков стояло перед глазами отцовское мокрое лицо. Она развернулась у бортика, выдохнула в зелёную тишину и поплыла обратно. Сегодня могла не узнать больше ничего. Завтра всё равно останется следующий вопрос.

Глава 10. Чужие полки

На первом адресе продавали красивый вход и обещание кухни. Внутри пахло штукатуркой, вентиляции не было. Артём не стал дослушивать про выгодные условия. На втором всё работало, но дорога кончалась у гаражей; он представил Зою в ноябрьской темноте и сказал за неё, что она сюда не поедет.

— Ты её спроси, — ответила Лида.

Он взялся за руль. Сестра не села сразу, стояла у открытой двери. Короткие волосы заправлены за уши, очки на голове. На улице она всегда казалась моложе своих тридцати двух; стоило заговорить о деле, и Артём начинал чувствовать себя старшим братом, которого поймали за списыванием.

— Общую теперь посмотрим, — сказала она.

— Я попросил убрать её пока.

— Убрала. Пока закончилось.

Он молча завёл машину.

Анна встретила их у металлической двери. Голос хрипловатый, движения неторопливые; прежде чем пожать руку, закончила принимать коробки. В кухне двое убирали после своей смены. Артём поймал себя на том, что закатал рукава: здесь действительно можно было готовить, а не полгода ремонтировать чужое имущество.

Анна показала столы, оборудование, отдельное место для привезённой посуды. Свободный участок возле стены Артём сразу примерил под свой холодильник.

— Там проход, — сказала она. — Холодильник можно в другую зону. Пришлёте размеры.

Он кивнул. Возражать было не о чем; от этого злился сильнее.

На полке стояли коробки с чужими названиями. У окна — зелёная кружка с сердитым котом. Здесь уже жили, и ему предлагали не начать своё, а аккуратно втиснуться.

Лида спросила о графике. По пятницам можно было начинать после двух, по субботам работать до шести. С согласованным хранением выходило шестьдесят восемь тысяч в месяц. Дополнительные часы и ночную мойку нужно было считать отдельно. Дороже их нынешней аренды, но покупать большую часть оборудования не требовалось.

— Время без договора не держу, — сказала Анна. — Посмотрите спокойно. Только потом может остаться другое.

Лида уже договаривалась приехать с Зоей. Артём смотрел на узкую комнату отдыха: четверо стульев, диван, окно на парковку. На прошлый Новый год они всей командой ели во «Дворе» за длинным столом, Зоя всё пододвигала к нему салат. Тогда он ворчал, что надо домой. Сейчас готов был заплатить за ту лишнюю четверть часа, которую не досидел.

— Подумаем, — сказал он.

В машине Лида положила расчёт себе на колени.

— Здесь работать можно.

— Можно.

— Тогда что?

Артём рассказал о бывшем кафе, которое обещал показать знакомый. Адреса пока не было. Фотографий тоже.

— То есть ждать неизвестно чего, — сказала сестра.

Он начал про людей: далеко ехать, новый график, даже вместе не пообедать. Лида слушала, глядя на дворники, которые по сухому стеклу размазали пыль.

— У меня тридцать процентов компании, — сказала она. — Я свои деньги вложила. А ты всё ещё рассказываешь, как меня уберечь от неудобства.

— Я не про тебя.

— Про Зою тоже не надо. Она тебе ответит, если спросишь.

Он выключил дворники. Хотел напомнить, кто придумал дело, кто ночевал на кухне, искал заказы. Все эти слова были правдой, и ни одно не давало права отвечать за сестру.

Во «Дворе» Зоя выслушала адрес общей кухни и сказала, что знает автобус. Дольше, конечно. Работать там как?

— Надо тебе посмотреть, — ответил Артём.

— Позови тогда.

Лида не стала на него смотреть. Ушла разбирать закупку. Он остался с листом и человеком, которого уже успел защитить от подходящей ему работы.

После обеда позвонил матери. Спросил, что она помнит о Даниле. Четырёхлетнему Артёму говорили: дядя ушёл со свадьбы, потом погиб на реке. «Потом» за годы растянулось в другую жизнь, где Данила успел куда-то уехать, бросить семью, сделать непоправимое. Газета оставила между уходом и смертью несколько часов.

— Мы думали, ты знаешь, — сказала мать. Потом исправилась: — Нет. Не думали. Просто не говорили.

Он не стал её утешать. Сам помнил, как легко было сказать Нине: сначала проверю.

Она прислала программу центра. Четвёртого сентября открытие; накануне второй свадьбы он не мог оставить кухню. Ответил сразу, не обещая выкроить время. Ей, кажется, было жаль. Ему тоже. Артём долго смотрел на маленькую фотографию: в углу кадра жёлтый шарф на спинке кресла, её рука, придерживающая лист.

«А другое время у тебя есть?» — набрал он.

Стереть не успел: Лида попросила помочь с ящиком, палец задел отправку. Вернувшись, увидел: «Есть. Ты предлагай».

Он стоял посреди кухни с глупой улыбкой. Сестра спросила, что случилось. Артём ответил «ничего» так быстро, что она засмеялась.

Анне он вечером написал отказ. Пока не готов закреплять график. Она поблагодарила за ответ и предупредила, что субботу уже спрашивает другая команда. Артём убрал телефон. Ему не запретили вернуться. Всего лишь перестали ждать — и стало обидно, словно свободный стол должны были беречь для него за одно то, что он столько терял.

Соколов приехал проверить оборудование, остающееся с помещением. Вера ушла за бумагами. Покупатель остановился возле кладовой, провёл ладонью вдоль косяка.

— Красное стекло ещё целое? — спросил он.

Артём поднял голову. С улицы стекла не было видно.

— Вы здесь раньше бывали?

Соколов показал на раму.

— Здесь раньше всё другое было.

Манжета съехала. Вокруг правого запястья шёл неровный белый след. Артём вспомнил газетную фотографию: мальчик в чужой куртке, повязка. Сам по себе шрам ничего не доказывал. Он открыл снимок, который прислала Нина, и протянул телефон.

— Это вы?

Соколов не взял аппарат. Долго смотрел сверху вниз. Потом кивнул.

Радость оттого, что нашёл, исчезла почти сразу. Перед ним стоял человек, который уже видел всё это, и по лицу было понятно: второй раз не хочет.

— Данила за мной полез, — сказал покупатель. — Ваш…

— Дядя.

Соколов наконец поднял глаза. Артём заметил, как тот сравнил его со снимком.

— А второй мужчина? — спросил он. — На берегу.

— Самарин. Помог вытащить. Его дочь хочет поговорить?

Артём кивнул.

— Он жив?

— Семь лет как нет.

Покупатель сел на край стула, который они сдвинули от стены. Артём почувствовал, что сейчас получит ответ, ради которого Нина смотрела газетные полосы. Достал телефон.

— Я её наберу.

— Не надо. Я сейчас не смогу.

Соколов сказал спокойно, но на лбу выступил пот.

— Она имеет право узнать.

— Знаю. Вы мне её номер дайте. Я про реку скажу. Что дальше было — не сейчас.

Артёму хотелось надавить. Прижать фотографией, назвать фамилии, не отпустить, пока не договорит. Из кабинета шла Вера с папкой. Соколов встал ей навстречу, снова поправляя манжету. Разговор закончился без его согласия.

Нине Артём написал сразу: мальчик найден, это покупатель, Самарин помогал спасать. Добавил, что Соколов не хочет говорить о возвращении со спасения. Ничего не обещал за него.

Она позвонила через минуту.

— Дай номер. Я сама спрошу.

Артём переслал контакт. Сидел у окна, пока в зале обсуждали, какую стену разберут первой. Он хотел, чтобы продажа не состоялась. Но впервые услышал в этом желании ещё одно: остаться человеком, которому Нина позвонит, получив ответ.

Глава 11. Тридцать восемь человек

Во вторник Нина приехала во «Двор» после трёх. Утро она провела в Нижнем, проверяя подготовку к открытию центра. Там всё было почти готово, а здесь до следующей свадьбы оставалось четыре дня, и пустой зал снова требовал внимания.

С Соколовым она поговорила ещё в пятницу. Он подтвердил: на снимке он, отец Нины помогал вытащить его из реки. Когда спросила, что потом сказали Асе, замолчал.

— Давайте я сам выберу, что могу вспомнить, — произнёс наконец.

Нина едва не бросила: «А ей кто-нибудь давал выбирать?» Но тогда он, скорее всего, просто отключился бы. Она оставила номер. Попросила передумать. Сегодня написала ещё раз — о том, что нашла Тамару Петровну. Ответа пока не было.

Мать поставила у окна коробку с лентами.

— Посмотри, может, пригодятся. Я их совсем забыла.

Нина открыла крышку. Ленты оказались серебристыми, с крупными блёстками, которые сразу прилипли к пальцам.

— Мам, они говорили, без серебра.

— Ну я не навязываю. Вдруг куда-то чуть-чуть.

Она унесла коробку сама. Нина села у розетки и открыла план вечера. В нём было больше пунктов, чем требовалось для тридцати восьми человек. Сначала хотела сократить, потом решила дождаться пары: вдруг они всё-таки хотят оставить памятные моменты.

Ирина и Виктор приехали в половине пятого. Она — высокая, с тяжёлой светлой прядью у щеки и спокойным, чуть насмешливым взглядом; он — широколобый, с мягким животом под рубашкой и неожиданно лёгкой походкой. Они задерживались у одних и тех же вещей, будто заранее знали, что другому захочется посмотреть. Виктор подвинул стул. Ирина вернула его чуть дальше от окна:

— Мне в глаза.

Он сел рядом, не обидевшись даже для вида. Нина поймала себя на нелепом интересе к этой мелочи.

— Чай, кофе?

— Воды, пожалуйста, — сказала Ирина. — Я после работы, у нас там сегодня жарко, как в июле.

Виктор попросил то же самое. Нина принесла кувшин, разложила перед ними план и начала с времени приезда. К пяти, все сразу, без отдельной церемонии. Она знала это из первого разговора и всё равно поставила в начало приветствие пары, несколько слов об их истории и общий выход к гостям.

Ирина проследила пальцем первые строки.

— А это кто будет говорить?

— Я могу коротко. Или ваш знакомый, который музыку ведёт.

— Зачем?

Нина не сразу поняла вопрос.

— Чтобы задать начало. Познакомить тех, кто не знаком, рассказать немного о вас.

Виктор наклонился к листу.

— Я думал, мы сами у двери встретим. Две минуты — и всех представили.

— Да, — сказала Ирина. — У нас все почти знают друг друга. Друзья, дети. И две мои коллеги, но они нас уже полгода слушают, им сейчас ещё историю знакомства рассказывать…

Она засмеялась и откинулась на спинку.

Нина увидела, сколько пустого места оставила в плане для слов, которых у этих людей не было нужды ждать. Ей хотелось объяснить, что это только заготовка, не обязательная про-

грамма. Но заготовку она составила именно для них и успела представить, как всё будет выглядеть.

— Тогда убираем, — сказала она. — Расскажите, что вы сами ждёте от вечера. Не по пунктам, как получится.

Ирина сначала ответила привычно: чтобы все поели, поговорили, потанцевали. Виктор добавил, что не хочет просидеть весь вечер за столом. Потом они начали вспоминать недавний день рождения общей подруги. Кто-то вынес на кухню два стула, остальные постепенно перебрались за ними, и хозяин квартиры, подготовивший большой стол в комнате, обижался до полуночи.

— Нам так хорошо было, — сказала Ирина. — Только тесно. Здесь бы так же, но чтобы локтями не толкаться.

Нина посмотрела на зал. Столы уже расставили параллельно, оставив широкий проход посередине. Для подачи удобно, для разговора — две длинные компании, которым придётся переговариваться через спины.

Нина поднялась и попросила их выбрать места самим. Ирина хотела видеть Виктора, а не спины остальных. Тот согласился пересесть и тут же заметил, что тогда к ним не подойти с горячим.

Позвали Артёма. Он прошёл между стульями, попросил Виктора сесть на крайнее место. Сразу стало видно, какой стол мешает. Его отодвинули, несколько мест оставили свободными у окна. Ирина посмотрела на получившийся круг и впервые перестала придерживать пальцем план.

Ирина пересела к будущему месту музыкантов.

— Вот так мне нравится. Только давайте никакой надписи за нашими головами. Я хочу потом на фотографии людей видеть, а не наши имена в человеческий рост.

Нина сделала пометку. В её плане надпись была, небольшая, но уже обсуждённая с оформителем. Она ещё не успела уйти в работу, отменить можно было без расходов.

— Торт выносить торжественно? — спросила она.

— У нас пирог, — напомнил Виктор.

Нина вспомнила: действительно пирог. И записано у неё было правильно, но вслух выскочило чужое привычное слово.

— Пирог. Извините.

Ирина улыбнулась.

— Можно просто принести? Если очень надо, мы рядом постоим, пока режут. Но лучше поесть.

Артём улыбнулся, наклонившись над своим списком. Нина следила, как меняется его лицо: сначала едва заметно приподнялся уголок рта, потом улыбка дошла до глаз. Вот теперь подними голову, подумала она, и он поднял. Она покраснела так быстро, что даже притвориться не успела. Человек, на которого хотелось смотреть, видел, как тщательно она раскладывает чужой праздник по ненужным пунктам.

Нина перевернула лист чистой стороной вверх. Пальцы слегка дрожали.

Обсуждение еды заняло меньше времени. Несколько общих закусок, горячее, которое не требуется подавать до окончания первой части музыки, чай и сливовый пирог. Встречать гостей они будут сами, а Артём с командой поможет так, чтобы люди могли свободно вставать и садиться в другом месте. Подробности обслуживания нужно было ещё раз пройти с Ильёй, но схема не требовала придумывать дополнительный спектакль.

— Нам по пятьдесят почти, — сказала Ирина, складывая свой лист. — Мы уже много где успели выступить. В субботу хочется просто вместе побыть.

— Мне пятьдесят один, — поправил Виктор.

— Вот. Ты ещё больше выступил.

Он засмеялся и взял её сумку, пока она надевала лёгкую куртку.

У дверей Нина спросила, как они познакомились. На этот раз не для программы. Виктор показал на Ирину.

— Она меня на танцах из угла вытащила. Я уже уходить собирался.

— Там менялись партнёрами! Он всё время стоял у окна и делал вид, что не видит.

— Я движения не запомнил.

— Так я к тебе и подошла. Нельзя же час считать до четырёх и никуда не двигаться.

Потом выяснилось, что они оба ещё долго ходили на занятия по отдельности и однажды остались ждать автобус под дождём. На этом история кончилась. Нина проводила их к машине. Виктор, садясь, хотел открыть Ирине дверь, но она уже открыла её сама и сказала, чтобы лучше проверил, взял ли очки. Он не взял. Пришлось вернуться к столу у окна.

После их отъезда Нина села на один из переставленных стульев. Из первоначального плана осталось время приезда, питание, музыка и конец вечера. Не было ни провала, ни катастрофы. Просто почти всё, что она собиралась делать, оказалось им не нужно.

Вера заглянула в зал.

— И что они решили? Совсем без оформления?

— Без надписи. Цветы остаются, только немного. Серебро не доставай, пожалуйста.

— Я уже убрала.

Мать посмотрела на свободную середину зала, пожала плечами и ушла. Нина перевернула лист. На обороте было чисто, и новый вечер уместился там в несколько строк.

Артём принёс ей стакан воды, свой поставил на соседний стул.

— Ты в порядке?

— Да. Мне просто хочется забрать лист, который я им сначала показала, и сделать вид, что его не было.

— Они же не сердились.

— Я знаю. От этого ещё неудобнее.

Он сел через стул от неё. Некоторое время они смотрели на столы. Нина представляла, как вечером Ирина будет пересаживаться ближе к музыке, а Виктор искать очки, оставленные не там, где всегда. Жизнь этих двоих существовала целиком, без её придуманных связок между блюдами.

— Тебе они понравились? — спросила она.

— Да. Особенно про пирог. Я люблю, когда про еду говорят, что хотят её есть.

Нина рассмеялась, наконец без оглядки на собственную ошибку.

— А я им встречу подготовила, как будто они должны сдать экзамен на право пожениться. Расскажите, как познакомились. Назовите важные даты. Пройдите к красивому месту.

Артём посмотрел на неё.

— Ты спросила, они сказали. Теперь будет по-другому.

Она кивнула. Ей не хотелось, чтобы он продолжал успокаивать, и он, к счастью, замолчал. За открытой дверью Лида разговаривала с кем-то по телефону, называя даты. Со двора донёсся звук закрывшейся машины.

Нина заметила у Артёма возле запястья светлый след от часов. Сегодня он их снял, и рука казалась неожиданно домашней. Она поймала себя на желании коснуться этого следа большим пальцем. Отвернулась к своему листу.

— Четвёртого ты точно не сможешь? — спросила и сразу вспомнила его ответ. — Прости. Ты уже сказал.

— Не смогу. Перед свадьбой нужно быть здесь. Но я хотел предложить другое.

Нина подняла голову.

— Послезавтра вечером у меня свободно. Ты в Бережках будешь?

— Буду. Утром работаю из дома у мамы, потом подготовка здесь. Четвёртого рано в Нижний.

Он кивнул, как будто уточнял обычное рабочее окно, и вдруг выпрямился на стуле.

— Пойдём гулять? Вдвоём. Без зала и того, что нам здесь ещё исправить.

— Пойдём, — сказала Нина.

Ответила слишком быстро и увидела, как у него изменилось лицо. Совсем немного: перестал напряжённо смотреть ей в глаза, улыбнулся. Ей стало легче оттого, что он тоже не был уверен.

Они договорились на семь у спуска к набережной. Нина сказала, где удобнее оставить машину, и оборвала себя: он тоже жил здесь и прекрасно знал, где оставить машину.

— Я пешком приду, — ответил Артём. — Мне отсюда недалеко.

— Я тоже. От мамы.

Потом оба зачем-то посмотрели в разные стороны. Нина сложила лист, поставила стакан на стол и встала. Работы ещё хватало: нужно было вернуть оформителю прежнюю схему, согласовать новую расстановку и не забыть про отсутствие надписи. Но теперь всё это занимало ровно свою часть вечера.

Когда она вышла из зала, Артём остался на стуле, где сидел. Нина заметила это в стекле двери и не стала оглядываться. По коридору шла медленно, хотя никто её не задерживал.

Дома мать попросила показать фотографии Ириниого костюма. Нина сказала, что фотографии нет, и стала разбирать свою сумку. Жёлтый шарф лежал сверху: она привезла его вместе с кофтой и собиралась оставить на случай прохладного вечера.

Вера спросила, откуда такой яркий.

— Купила, — ответила Нина.

— Тебе идёт, наверное. Ты примерь.

Нина накинула шарф на плечи и посмотрела в большое зеркало у двери. Мать встала чуть позади, поправила край на воротнике и убрала руки.

— Хорошо, — сказала она. — Не всё же серое носить.

Нина прижала шарф к шее. Жёлтый делал лицо теплее; карие глаза в зеркале казались темнее обычного. Она повернулась боком, поправила волосы, потом ещё раз. Мать наблюдала сзади, и от этого Нина ощущала себя девчонкой, которую поймали перед свиданием.

— Что? — спросила она слишком резко.

— Ничего. Идёт тебе.

Нина опустила руки. До четверга оставалось два дня. Захотелось, чтобы они прошли быстро; тут же стало жалко отдавать им целые два дня жизни. Она улыбнулась отражению — тому, кто на минуту перестал выглядеть усталым.

Рабочий ноутбук Нина оставила во «Дворе». Уже после примерки шарфа пришлось вернуться за ним: завтра утром был разговор с заказчиком. Мать осталась дома. Нина вошла через служебную дверь, взяла сумку и задержалась у кладовой. Ключ был у неё. В красном стекле отражались шарф и лицо — слишком бледное для такого яркого жёлтого.

Она поправила шарф.

Отражение не подняло руку.

Нина отступила. На той стороне стояла Ася. Не в полный рост, только лицо, будто две женщины смотрели друг на друга через ночное окно.

— Он сказал, я должна идти домой, — произнесла Ася. — Но как домой, если Даня не вернулся?

Нина коснулась стекла. За ним было холодно.

— Ася, ты меня видишь?

Женщина опустила глаза.

— Человек с фотоаппаратом сказал: домой надо. А как домой, если Даня не вернулся?

Нина повторила вопрос. За стеклом снова шевельнулись губы: «Человек с фотоаппаратом…» Те же слова, то же движение головы. Не разговор. Обрывок чужой ночи, в котором она не могла ничего переспросить.

Вверху загорелся свет. Артём стоял на пороге.

Нина не повернулась к нему сразу. Смотрела в собственное отражение, опять обычное, и чувствовала, как злость на чужую ложь впервые становится страхом узнать правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.